

КНИГА КОРОТКОГО СОЛНЦА

ДЖИН ВУЛФ

18+

КРУГОВОРОТ И ТЕНИ

FAN/ZON

Fanzon. Fantasy World. Мастера фэнтези

Джин Вулф

Круговорот и тени

«ЭКСМО»

2001, 2007

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Вулф Д.

Круговорот и тени / Д. Вулф — «Эксмо», 2001, 2007 — (Fanzon. Fantasy World. Мастера фэнтези)

ISBN 978-5-04-251820-1

«Возвращение в Круговорот» — третий том «Книги Короткого Солнца» и завершение монументального цикла «Брия». Рассказ снова ведется от лица летописца Бивня, который отправился на поиски героя и лидера патеры Шёлка. Бивень прошел путь от океанов Синего круговорота до загадочных джунглей Зеленого, посетил величественный звездолет «Круговорот Длинного Солнца» и даже, каким-то образом, далекую планету Урд, которую освещает умирающая красная звезда. Но личность Бивня стала неоднозначной — это сложный вопрос, встроенный в повествование, которое само по себе необычно и перемещается от места к месту, от настоящего к прошлому. Возможно, Бивень и Шёлк теперь — одно целое. Кроме этого омнибус включает в себя сборник эссе и интервью «Тени Нового Солнца», в который входят редкие и труднодоступные материалы, представляющие особый интерес для преданных читателей и исследователей творчества Вулфа. В эссе рассматриваются вопросы природы письма — от создания персонажей и построения структуры до самой профессии писателя. Также в книгу включена серия интервью с автором и настоящий Святой Грааль для поклонников цикла «Книга Нового Солнца» — эссе «Книги из "Книги Нового Солнца"». Завершение публикации на русском языке одного из величайших эпических циклов англо-американской фантастики, входящего в один ряд с «Основанием/Академией» Азимова, «Дюной» Герберта, «Гиперионом» Симмонса, «Хайнским циклом» Ле Гуин. «Потрясающее литературное мастерство». — Interzone «Предложение за предложением Вулф демонстрирует мастерство, которым может похвастаться далеко не каждый автор научной фантастики. Он ставит перед читателем высокие требования, и этот вызов стоит того, чтобы его принять». — The New York Times Book Review «Джин Вулф — завораживающий и в то же время способный вывести из себя автор: его косвенный стиль, сложная тональность, игровая манера и настойчивое

требование читать между строк — куда внимательнее, чем у большинства писателей научной фантастики, — заставляют пристально анализировать его романы, но щедро вознаграждают за это. Данная книга, разумеется, окажется исключительно ценной». — Science Fiction Studies

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-251820-1

© Вулф Д., 2001, 2007

© Эксмо, 2001, 2007

Содержание

Возвращение в Круговорот	7
Имена собственные, встречающиеся в тексте	8
К хозяевам дома	12
I. Окровавленные	13
II. Божок Всевеликого Паса	26
III. Закон и порядок	44
IV. Он и есть Шёлк	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джин Вулф

Круговорот и тени

Gene Wolfe

RETURN TO THE WHORL

Copyright © 2001 by Gene Wolfe

SHADOWS OF THE NEW SUN

Wolfe on writing/writers on Wolfe edited and introduced by Peter Wright Copyright © 2007
Liverpool University Press

Опубликовано с разрешения наследников автора и агентства Вирджинии Кидд (США)
при содействии Игоря Корженевского из Агентства Александра Корженевского (Россия)

Составитель *А. Валдайский*

Перевод с английского *Дмитрия Старкова*

Дизайн и иллюстрация *Елены Куликовой*

Круговорот и тени / Джин Вулф; [перевод с английского Д. А. Старкова]. – Москва:
Эксмо, 2026. – 976 с.

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Возвращение в Круговорот

С уважением, Тери и Эл

Имена собственные, встречающиеся в тексте

Многие личности и места, упоминаемые в этой книге, уже появлялись на страницах «Книги Длинного Солнца», к каковой и отсылаю читателя. Наиболее значимые имена и названия начертаны в перечне, приведённом ниже, ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ, прочие же – строчными.

А

полковник Абанча – одна из офицеров тривигантской орды.

сержант Азейин – дорпский легерман.

АНВАГЕН – приветливая, гостеприимная тюремщица, надзиравшая за протагонистом в ДОРПЕ.

Б

Бала – жена Жилы на ЗЕЛЁНОМ.

БЕРУП – дорпский домовладелец, супруг АНВАГЕН.

БИВЕНЬ – автор основной части «Книги Длинного Солнца».

кальд БИЗОН – супруг майтеры МЯТЫ, ныне кальд ВИРОНА.

Бланко – поселение вдали от морских берегов.

В

ВАДСИГ – служанка в доме АНВАГЕН.

Вапен – юноша, недовольный порядками в ДОРПЕ.

капитан ВЕЙЗЕР – мореплаватель, торговец из ДОРПА, указавший БИВНЮ путь в Пахароку.

мессир адвокат Вент – защитник, предоставленный рассказчику судом.

Версегаль – супруга капитана Стрика.

ВИРОН – великий город, место действия большей части «Книги Длинного Солнца».

ВЗМОРНИК – девушка, отданная БИВНЮ Матерью.

рядовой Влог – дорпский легерман.

ВЫЖЛЕЦ – лавочник из Тупика.

Г

ГАОН – поселение на СИНЕМ, некоторое время пребывавшее под управлением рассказчика.

Д

ДЖАЛИ – ингума, выпущенная рассказчиком на волю.

ДЖУГАНУ – ингум, выпущенный рассказчиком на волю.

ДОРП – прибрежное поселение к северу от НОВОГО ВИРОНА.

Ж

Жила – старший из трёх сыновей БИВНЯ с КРАПИВОЙ.

Жимолость – прислуга во дворце виронского кальда.

З

Затень – западный континент СИНЕГО, наречённый так БИВНЕМ.

Заяц – преступник, житель ВИРОНА.

ЗЕЛЁНЫЙ – одна из двух пригодных для жизни планет, обращающихся вокруг КОРОТКОГО СОЛНЦА.

Зик – купец из ДОРПА.

И

Иеракс – одно из божеств КРУГОВОРОТА, бог смерти.

Инканто – имя, под коим рассказчика знали в Бланко.

Инклито – дюко Бланко.

ИНОСУЩИЙ – бог надо всем, что лежит вне пределов КРУГОВОРОТА ДЛИННОГО СОЛНЦА.

К

КВАДРИФОНС – бог дорог, перекрёстков и многого другого.

патера Кетцаль – ингум, некогда Пролокутор Виронского Капитула.

Киприда – одна из меньших богинь, пригласившая ШЁЛКА соединиться с ПАСОМ.

КОПЫТО – один из трёх сыновей БИВНЯ и КРАПИВЫ, брат-близнец ШКУРЫ.

КОРОТКОЕ СОЛНЦЕ – солнце, вокруг которого обращается КРУГОВОРОТ.

Кошак – один из поселенцев, спутников Чистика и Синели.

Крайт – ингум, усыновлённый БИВНЕМ.

КРАПИВА – супруга БИВНЯ, мать ШКУРЫ, КОПЫТА и Жилы, соавтор «Книги Длинного Солнца».

КРЕЧЕТ – нововиронский негоциант.

Кровь – крупный преступный воротила, некогда убитый ШЁЛКОМ, приёмный отец Мукор.

КРУГОВОРОТ – космический корабль исполинской величины, внутренняя полость которого представляет собою мир в миниатюре; изначально – астероид.

КРУГОВОРОТ ДЛИННОГО СОЛНЦА — пространство внутри КРУГОВОРОТА.

Л

Ласка – внук ПЕРЕЦ.

рядовой Леув – дорпский легерман.

Лиатрис – нововиронская негоциантка.

Лытка – один из братьев БИВНЯ, нововиронский лавочник.

М

МАЛЫШ – ручной гус, принадлежавший Мукор.

МАРГАРИТКА – рыбацкая дочь, обучавшаяся у КРАПИВЫ счёту и грамоте.

Матерь (также Матушка) – богиня Прежних.

«Медуза» – йол, род двухмачтовой лодки с косым парусным вооружением, грот-мачтой и небольшой бизанью, расположенной в корму от головки руля.

Меррин – одна из ведьм.

мастер Меченос – учитель фехтования преклонных лет.

МОЗГ – крупный нововиронский негоциант.

Молот – виронский солдат, отец ОЛИВИН.

Мольна – одна из божеств КРУГОВОРОТА ДЛИННОГО СОЛНЦА, богиня ветров.

Мора – дочь дюко Бланко.

Мота – один из сподвижников Хари Мау.

майтера МРАМОР – хема преклонных лет.

Мукор – молодая женщина, наделённая сверхъестественными способностями, внучка майтеры МРАМОР.

Мускус – крупный виронский преступник, ныне покойный.

майтера МЯТА – сибилла, возглавившая свержение правительственного совета ВИРОНА.

Н

Набянттан – горное поселение в КРУГОВОРОТЕ ДЛИННОГО СОЛНЦА.

патера Наковальня – Пролокутор Виронского Капитула.

НАТ – крупный негоциант из ДОРПА.

НОВЫЙ ВИРОН – поселение, основанное на СИНЕМ выходцами из ВИРОНА.

О

ОЛИВИН – хема, дочь майтеры МРАМОР.

Он-Загонять-Овцы – охотник.

Онорифика – служанка в хозяйстве дюко Бланко.

ОРЕВ – говорящая ночная клушица.

П

Парел – служанка из ДОРПА.

ПАС – отец богов и богинь КРУГОВОРОТА ДЛИННОГО СОЛНЦА.

Паук – виронский охотник за шпионами.

Пахароку – призрачное поселение на западном континенте СИНЕГО.

Первоцвет – одна из сестёр БИВНЯ.

ПЕРЕЦ – любовница и душеприказчица Мозга.

Пижма — супруга ВЫЖЛЕЦА.

Прежние боги – предполагаемые божества СОСЕДЕЙ.

Прежний народ – другое название СОСЕДЕЙ.

Примула – одна из сестёр БИВНЯ.

Р

РАДЖАН – титул правителя ГАОНА.

Раджся Мантри – советник РАДЖАНА ГАОНСКОГО.

патера Ремора — Пролокутор Нововиронского Капитула.

Рог – сын ТЕМЕНИ от второго брака.

Олешек – сын ТЕМЕНИ от второго брака.

майтера РОЗА – сибилла преклонных лет, ныне покойная.

патера Росомаха – коадьютор Виронского Капитула.

Роти – один из сподвижников Хари Мау.

С

генерал Саба – одна из старших офицеров тривигантской орды.

Сало – один из братьев БИВНЯ.

Сверчок – мальчишка, сын Первоцвет.

СВИН – имя, принятое неким бесприютным слепцом.

Сейфер – супруга капитана ВЕЙЗЕРА.

Синель – женщина, отправившаяся с Чистиком на ЗЕЛЁНЫЙ.

СИНИЙ – одна из двух пригодных для жизни планет, обращающихся вокруг КОРОТКОГО СОЛНЦА.

СОСЕДИ – исконные жители СИНЕГО, именуемые также «Прежними» либо «Прежним народом».

капитан Стрик – мореплаватель, торговец из Дорпа, ставший другом БИВНЯ.

Струн – нововиرونский негодант.

Т

мессир адвокат ТАЛЬ – правовед, привлечённый БЕРУПОМ и прочими к защите рассказчика.

Тартар – верный сын ПАСА, бог воров и торговли.

ТЕМЯ – лавочник из ВИРОНА, отец БИВНЯ.

Тигридия – клиентка Достославного Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Тифон – древний тиран, личность коего сделалась ПАСОМ.

Тривигант – великий город среди пустыни далеко к югу от ВИРОНА, управляемый женщинами.

Туник – деревня, подвластная ВИРОНУ.

У

Улит – имя, принятое тривигантским шпионом в ВИРОНЕ.

Ф

Фиона – одна из меньших богинь КРУГОВОРОТА ДЛИННОГО СОЛНЦА.

Фланнан — один из друзей СВИНА, летун.

Х

Судья ХАМЕР – один из пяти судей, правящих ДОРПОМ.

Хари Мау – новый раджан ГАОНА.

Ц

Цилиния – старшая из дочерей Тифона.

Ч

кальд Чесуча – приёмный отец ШЁЛКА.

Чистик – вор и грабитель, некогда наставник ШЁЛКА в воровском ремесле.

Ш

патера ШЁЛК – бывший калд ВИРОНА.

ШКУРА – один из двух братьев-близнецов, сыновей БИВНЯ и КРАПИВЫ.

Э

Эко – бывший наёмный боец, супруг Моры.

Эхидна – одна из богинь КРУГОВОРОТА, а также покровительница ГАОНА.

Я

Язык – один из братьев БИВНЯ.

остров ЯЩЕРИЦЫ (или просто ЯЩЕРИЦА) – остров к северу от НОВОГО ВИРОНА.

К хозяевам дома

Я – ваша безмолвная гостя, девушка, что проводит в постели ночи и дни напролёт. Та самая, кому надлежит предстать перед вашими судьями спящей.

Спящей претерпеть судебное разбирательство.

И, по-прежнему спящей выслушав приговор, плавно соскользнуть из непробудного сна в бездну смерти.

Не задавались ли вы вопросом: что, если я даже и не дышу? Не прикладывали ли время от времени к моим губам пёрышко? По-моему, да, наверняка. Чувствую: вы здесь, рядом с моей постелью.

Знайте: разбудить меня не по силам никому, кроме отца.

Обратитесь к Анваген.

Позвольте ему уснуть возле меня, в кресле, и я проснусь.

Обратитесь к Анваген.

Позвольте ему взять меня за руку. Зовите его Бивнем, ибо звук этого слова разбудит меня непременно. Позвольте ему прийти ко мне, и увидите меня пробудившейся.

Обратитесь к Анваген!

Ваша спящая гостя, Джали

І. Окровавленные

Странствовали мы наугад, и сейчас самое время признать сей факт безоговорочно. Вот, признаю – здесь, в самом начале. Учитывая все обстоятельства, везло нам просто-таки несказанно, однако же (если только Прежние боги Синего высоко в небесах не благоволят нам превыше всех прочих) дальше так продолжаться не может.

Да с этого и начну сию, третью и уж точно последнюю книгу, а далее расскажу, кто таковы помянутые выше «мы», но прежде должен отметить, что со всеми разбойниками покончено, и я, роясь в их добыче, обнаружил целую стопу – целую стопу! – писчей бумаги, каковой и спешу воспользоваться.

Мысли его не имели никакого касательства ни к покойной, ни к её гробу, ни к лучам жаркого солнца, бьющим сквозь отворённую настежь дверь внутрь, в убогую комнатку. Ещё где-то рядом негромко постукивала капель, точно во время дождя. Кап... Кап... Лодыжки чем-то обрызгало, и он, опустив взгляд, обнаружил у ног небольшую лужицу крови, каплющей с его пальцев.

Сын бросил его. Оставил его одного.

Ещё он ранен. (Несомненно, эта-то рана и кровоточит?)

Ранен. Лежит в медицинском отсеке посадочной шлюпки, хотя и стоит на ногах, заливая кровью истёртые половицы. А погребальные дроги, похоже, приготовлены не для него – для этой вот женщины средних лет, причём уже распрощавшейся с жизнью.

У ног его, на полу, лежал нож с изрядно источенным лезвием и треснутой деревянной рукоятью. Машинально нагнувшись, он протянул к ножу руку, но тут же отдернул её, точно от свернувшейся кольцом, напружинившейся, готовясь к удару, змеи. В пронзительном вопле, донёшемся из пустоты, слышалось нечто куда как глубже, горше обиды, не говоря уж о мыслях насчёт воды, пищи и исцеления...

Шарахнувшись прочь от ножа, он вывалился в распахнутую дверь, навстречу самой тёмной, самой беспросветной ночи с начала времён.

Итак, кто есть «мы»? Нас четверо, включая сюда Орева, но не принимая в расчёт четырёх коней и белого мула Джали. Орев – это моя птица, нередко весьма надоедливая: вот, пожалуй-ста, сию минуту пытается выхватить у меня одно из своих старых перьев.

– Бессмысленно, Орев, – говорю ему, – лично мне хочется писать. Я только что начал новую книгу... а будешь безобразничать, не стану играть с тобой вообще.

– Птичка... Хор-роший! – отвечает он, ясное дело, имея в виду себя самого.

О Шкуре я упоминал? Окинул страницу взглядом и вижу, что нет. Шкура, четвёртый в нашей компании, – один из трёх моих сыновей. Роста он среднего, собой весьма недурён, мускулист, крепок, без малого шестнадцати лет от роду. Одет в овчинный плащ несколько короче, чем мой, овчинную шапку и сапоги из бараньей кожи, ныне обильно смазанные курдючным жиром, благо его среди награбленного отыскался целый горшок (несомненно, разбойники также мазали им сапоги).

Что до разбойников, из них, доложу вам, в живых не осталось ни одного. Даже последнего. Хотелось бы, конечно, устроить им мало-мальски достойное погребение, да вот беда: земля промёрзла насквозь. Джали предложила сжечь трупы, но сколько же нужно дров для сожжения девяти тел?

Должно быть, на устроенном патерой Шёлком с патерой Кетцалем и майтерой Мрамор сожжении майтеры Розы присутствовал также я. Спроси кто-либо меня об этом ещё накануне, ответил бы: нет, ведь мы с Крапивой отправились в бой следом за майтерой Мятай, как только

Эхидна велела ей разрушить Аламбреру... но вот поди ж ты, череп, взирающий на меня из языков пламени, помню – явственной некуда. Вероятнее всего, путаю те события с неким другим случаем предания тела огню.

Как бы там ни было, сомнений не вызывает одно: в тот раз для огненного погребения потребовалось немало доброго сухого кедра. Здесь же дерево под рукой отыщется только сырое, свежесрубленное, а сухостой и валежник наверняка отсырели под снегом. Пожалуй, трудясь от зари до зари, нам со Шкурой придётся рубить необходимое количество дров по меньшей мере неделю. (Пустив в ход азот Гиацинт, я управился бы и за полчаса, однако сейчас извещать остальных о том, что он при мне, весьма, весьма неразумно.)

Что ещё можно сказать о Шкуре? Многое, однако излагать здесь всю подноготную я не стану. У Шкуры есть брат-близнец, Копыто, похожий на него как две капли воды. Сейчас Копыто где-то на юге – по крайней мере, Шкура не сомневается в сём ничуть. Надеюсь отыскать его, мы едва не свернули к югу, в обход болота. Конечно, так вышло бы куда дальше, но мне всё-таки жаль: надо, надо было свернуть.

Зачем я рассказываю всё это? На случай, если первые две книги, лежащие в седельной сумке, потеряются где-нибудь по пути: вероятность подобного исхода довольно-таки велика. Оказавшись в твоих руках, они расскажут обо мне с сыновьями гораздо больше, чем в моих силах.

Что следует добавить? Как спутник в дальней дороге Шкура несколько мрачноват и пессимистичен (и вполне может думать то же самое обо мне). Вдобавок он не из разговорчивых, а если и заговаривает, от него нечасто услышишь что-либо интересное, зато храбр, находчив, и улыбается – хоть руки в лучах его улыбки грей!

Вижу, об Ореве я кое-что уже рассказал, а раз так, ему и быть следующим. Величиной он несколько меньше курицы, но его крылья намного длиннее. Перья сияют глянцем. Голова, клюв и лапы красны. Ещё есть у него весьма обескураживающее обыкновение внезапно покидать меня – когда на час, когда на целый день, а однажды его отлучка затянулась без малого на год. Обзавёлся я им в Круговороте Длинного Солнца, перед тем как Хари Мау изловил меня и увёл на борт их посадочной шлюпки.

Точнее сказать, в действительности это Орев обзавёлся мною, признав меня за хозяина и – порой – доверенное лицо. Ещё поди разбери, кто тут кому хозяин... вот разве что кормлю я его куда чаще, чем он меня.

Вначале он решил, что ослеп, затем – что это смерть. Что, не сумев выйти на Златую Стезю, он обречён блуждать в этом мраке целую вечность, донимаемый демонами...

Демонами хуже ингуми? Хуже, сквернее людей? Эта мысль повергла его в неудержимый, безумный хохот. Безумие... лишиться разума – значит лишиться жизни, а лишиться жизни – значит лишиться разума, а лишившись жизни и разума, как не утратить и зрение?

Пальцы нащупали грубую, шершавую кору дерева, и тут он вновь, во второй раз обнаружил, что рука его скользка от крови. Кровоточили порезы на плечах и запястьях. В незнакомых, непривычных карманах отыскивались чётки, очки, две карточки и, наконец, носовой платок, не скомканный, сложенный аккуратно – то есть, возможно, чистый. Надкусив кромку, он разорвал платок надвое и (главное – без спешки, аккуратно, аккуратно) перевязал самые глубокие из порезов, затягивая нескладные узлы зубами и свободной рукой.

Вдали засиял неяркий огонёк. Поднявшись на ноги, он поморгал, вновь пригляделся. Да, огонёк – совсем крохотный, золотистый. Когда в дом Астры повадился являться призрак её умершей дочери, Реморе удалось покончить с его явлениями при помощи свечей, святой воды и долгих чтений из Писания, перемежаемых уговорами отправляться в путь, к Короткому Солнцу.

По крайней мере, так обо всём этом рассказывали в поселении, а Ремора в ответ на его расспросы объяснил, что призраки чаще всего не ведают о собственной смерти.

– Что вполне... мм... объяснимо? Ни малейшего злого умысла. Простое... э-э... недо-
разумение, а? Ведь прежде им быть... э-э... мёртвыми не доводилось, э? Допустим, мы, люди
духовного... мм... звания, всё понимаем. Осведомлены, э? Загодя. Кто когда слышал о при-
зраках... мм... святых авгуров, а? Или же... э-э... сибилл? Нет, случалось, конечно... э-э...
случалось. Но редко. Крайне редко, – бормотал ему на ухо Ремора, шагавший рядом. – Мы,
видишь ли... э-э... ждём. Предвкушаем. Некоторые даже молятся о сокращении ожидания,
дабы... мм... быстрее оказаться в благословенном обществе Девятерых. Однако те, кто... э-
э... мм...

«Неверующие».

– Скептики полагают... доказательств нет, а? Понимаешь, Бивень? Мм... представь себе
нечто вроде... э-э... полного прекращения существования. Будто сердечные объятия Иеракса
– всего лишь... э-э... всего лишь сон. Однако ж без сновидений. Попросту... мм... сон. Ничего
более.

«Представляю, патера».

– Так вот, они сему... мм... не верят. Как... э-э... непредставимому, а? Немыслимому.
Во всяком случае... э-э... вспоминают собственные сновидения. Э-э-мм... богиня сна, э? Мор-
фея. Ипостась Фельксиопы. Весьма дальновидно устроила так, чтоб нам... э-э... снились сны.
Дабы мы... подвергались, а? Да, подвергались. Подвергались воздействию фантомов. Фик-
ций...

Под ногу подвернулось нечто твёрдое, округлое в поперечнике. Подобрав находку, он
почувствовал, как из-под пальцев сыплются наземь чешуйки иссохшей, мёртвой коры. Палая
ветка...

– Понимаешь?

«Нет, патера, – подумал он. – Нет, совершенно не понимаю».

– Нет дрёмы без... мм... сновидений. Дабы мы знали: сон – ещё не конец. Мы, посвятив-
шие молитвам бесчисленное множество... мм... восхитительных, сладких часов, подготовлены.
Явление Иеракса ни с чем не спутаем, э? Вот ты, к примеру сказать... мм... лодочник? Море-
ход?

Ощетинившаяся тонкими, хрупкими прутиками, сама ветка оказалась достаточно проч-
ной, не иструхляевшей.

– Правишь по звёздам, э? Понимаешь, о чём я, Бивень? По звёздам в... э-э... в полноч-
ный час, а днём, при свете солнца... мм... по солнцу. Вот именно. Да. Сам-то я не... мм... не
моряк, а? Но слышал. Слышал. По солнцу и звёздам.

Взмахнув перед собой палкой, он обнаружил слева дерево (возможно, всё то же самое),
а справа – нечто упругое (вероятно, кусты). Крохотный золотистый огонёк манил, звал к себе,
словно костры из плавника, зажигаемые на берегу рыбацкими жёнами с наступлением тем-
ноты.

– Путеводные вехи. Ориентиры на берегах, вот... мм... основа всего. Ориентиры. Мы...
э-э-мм... я вспоминал о вере. О многих часах, проведённых в молитвах. Детям подобное...
э-э... не свойственно вовсе, а? Согласен? Носятся сломя голову. Вопят. Играют. Вполне есте-
ственно. И в мантейоне постоянно вертятся, никак на месте не усидят, сотни раз видел... и
ты, вне всяких сомнений, также.

«Да, патера. Конечно же, да».

С палкой в руке идти сделалось куда легче, и он твёрдо заверил себя самого, что держит
путь прямо к Златой Стезе, к царству духа, в сравнении с коим обычное, материальное Длинное
Солнце – всего лишь его яркая тень. Со временем он достигнет Майнфрейма (хотя однажды
уже побывал там), встретится с самими богами...

– Посему дети... цепляются, э? Льнут к ориентирам, к местам знакомым, родным.

Привет, Мольпа. Я – Бивень, о Предивная Мольпа, и, правду сказать, всю жизнь уделяя тебе немало внимания. Теперь сожалею о сём, но казнить, пожалуй, поздно. Ведь ты, Мольпа – богиня Мускуса. Мускуса, любившего птиц – орлов, ястребов и им подобных, а мне Мускус вовсе не нравился... по крайней мере, то, что о нём рассказывали, не нравилось ничуть.

– Держатся берега, э? Те, кто... мм... отчалил? Чада, рано достигшие... мм... завершения жизни. Знакомый дом... э-э... мм... комнаты. Игрушки, а? Даже игрушки. Мы-то... э-э... толкуем друг другу о потерянных жизнях, э? Сам не раз так выражался. Как и все прочие, а? Возможно, они надеются вновь отыскать их, будто потерявшуюся куклу... Однако же грустно. Грустно всё это. Печально. Совсем не то, что... мм... изгнание демонов, э? Кальд Шёлк, а? Свершил... э-э... и изгнал. И описал сие в... мм... донесении. Какой-то старый дом на Музыкальной... я... э-э... сам видел. Не дом, разумеется... донесение, да.

А ещё ты, о Мольпа – богиня музыки. Как же я мог забыть? Весёлая, утешительная песня мне бы вовсе не помешала. И я ведь пел, Мольпа, честное слово, пел, пусть даже не задумывался именно о тебе. О, Мольпа! Прошу тебя, Мольпа, старая добрая Мольпа, богиня воздушных змеев и детства... ведь это чего-то да стоит?

Огонёк превратился в прямоугольник – по-прежнему далёкий, крохотный, но форма его не вызвала сомнений. Свет... кому из богов принадлежит свет? Мольпе? Мольпе принадлежат осенние листья, летучие обрывки бумаги, дикие птицы и облака, и вообще всё легковесное, а что может быть легче света?

– Пасу, а? Солярному божеству... э-э... богу солнца. Ступай к свету, дитя моё, а? Правь встречу солнцу.

«А как насчёт звёзд, патера? Может, Пас заодно и бог звёзд? Нет, нет, власти над звёздами ему наверняка не дано, ведь звёзды горят вне пределов подвластного ему, Пасу, круговорота...»

И не только в мантийоне, Мольпа... однако там я мальчишкой тоже пел, пел каждую сциллицу:

Чудодейница Мольпа, с ветрами летящая ввысь,
В царство своё, в край небесных земель улетаю!
Станцуй для нас, Мольпа! Спой, в кронах деревьев витая,
Ниспошли дуновение своё, прохладный свой, ласковый...

Оборвавшись на полуслове, старинный гимн стих, смолк заодно с его одиноким надтреснутым голосом. Бог ночи и тёмных мест – Тартар. Тартар, сдружившийся с Чистиком, об руку с Чистиком расхаживавший по Вирону... Самого его за руку никто из богов не держал, идти помогала лишь палка. Интересно, а есть ли среди богов бог палок? Бог брёвен, досок, деревьев? Бог либо богиня лесорубов, плотников, краснодеревщиков? Если и да, в памяти ничего подобного не сохранилось.

Дым?

Остановившись, он потянул носом воздух. Да, дым. Дровяной. Запах слабый, но чувствуется.

Ну и жара же стояла в те дни!

Когда они только-только перебрались на Ящерицу, он пробовал коптить и солить рыбу, но рыба всякий раз портилась, тухла, можно сказать, на глазах. Наконец, не раз и не два осрашившись, он отправился к рыбакам и выяснил, в чём секрет. С тех пор запах горящих дров неизменно напоминал ему о собственных неудачах, о поедании рыбы, которую отказалась взять в рот даже верная Крапива, завершившемся лютой желудочной хворью на целых полдня. А

секрет оказался предельно прост: от порчи рыбу предохраняет отнюдь не копчение в дыму (как он полагал), но сушка.

– Тартар! Слышишь ли ты меня, о Сумрачный Тартар? Склонишь ли слух к моим мольбам?

Описывая похождения Чистика, он изобразил Тартара откликавшимся на подобные призывы немедленно, но здесь ведь не книга, не повесть, а посему и ответа не последовало вовсе.

Нечто вроде травы под ногами... надо полагать, хлеба. Пшеница либо ещё какие-нибудь злаки. Выходит, во тьме за Златой Стезёй, во тьме, по сравнению с коей тень – лишь её материальная тень, охлаждающая весь круговорот и даже дыхание Мольпы, выращивают хлеба?

Заяц, после гибели Крови примкнувший к генералиссиме Мяте, рассказывал об орлице и о старом мастере-змеделе, молившемся Мольпе о ниспослании ветра. По его словам, ветер не заставил себя долго ждать. И ветер, и припозднившаяся зима. Долгожданная зима, оживившая, напитавшая снегом поля, раскалённые, высохшие, словно дохлая рыба, развешенная над огнём.

А с какой силой задул ветер, каким студёным, жгуче-холодным сделался он, когда все спускались под землю!

Не то что на Зелёном. Нет, нет, совсем не то.

Поблизости взорвалась бомба, и Гиацинт испугалась, не убило ли взрывом их коня. Гиацинт... промёрзшая до костей, слегка перепачкавшаяся, столь прекрасная в тусклом свете, за пеленой вьюги, что больно смотреть! Да, Крапива отличалась бодростью духа и мужеством, однако Гиацинт блистала красотой – повсюду, в любое время, и неизменно находила новые способы сохранить красоту, даже падая с ног от усталости или визгливо ругаясь. При этом Гиацинт ненавидела всех мужчин – всех мужчин в совокупности – за всё, что ей говорили, за всё, что вынуждали проделывать ради денег, за унижения куда хуже той стухшей рыбы...

Он же, любя Крапиву – Крапиву, ненавистную матери с момента зачатия, что прямо, недвусмысленно следует хотя бы из данного ей матерью имени, завидовал патере Шёлку, взявшему в жены Гиацинт (прекрасную, необузданную Гиацинт), от всего сердца.

Споткнувшись, он рухнул с ног, вновь поднялся, от усталости не в силах даже ругнуться, устремил взгляд в сторону золотистого прямоугольника, но отыскать его не сумел. Лишь понял, насколько устал. Устал, ослаб, голова кружится зверски, а толку? Что толку?

Со вздохом опустившись на колени, он растянулся среди мягких, наполовину вызревших хлебов во весь рост.

Принадлежи Гиацинт ему, он ни за что не отправился бы на Синий, никогда не угодил на Зелёный и, разумеется, не принял бы там, на Зелёном, смерть...

Только сейчас он впервые признался себе самому, что взаправду умер, умер в медицинском отсеке той самой разграбленной шлюпки, которую столь упорно силился починить. Умер и снова оказался в прежнем круговороте, в Круговороте, где родился и рос, и иного посмертия ему не дано.

Заполучи он как-либо Гиацинт, жил бы да поживал в Круговороте Длинного Солнца по сию пору. Нет, Гиацинт он не заполучил, но вот, пожалуйста, вновь здесь... вновь здесь, только без Длинного Солнца.

Веки сомкнулись сами собой, однако закрытые глаза ни в коей мере не утратили способности видеть, и всеми его мыслями, точно насмехаясь над жаркой сущью непроглядной ночи, овладел мягкий, холодный, кружащий перед глазами снег ещё одного, другого, дня.

Откуда-то сверху донеслось хлопанье крыльев и резкий, хриплый крик:

– Шёлк?! Шёлк! Шёлк!!!

Однако он не откликнулся.

Третья из нашей компании – моя дочь, Джали. Роста она среднего, рыжеволоса и, благодаря правильному, миндалевидному овалу лица и озорной улыбке, кажущейся многим обворожительной, довольно привлекательна, хороша собой. Едет она на белом муле, а под пушистым, широким и длинным плащом из меха снежной кошки, доходящим едва ли не до каблучков её козловых сапожек, носит тёплое шерстяное платье. Несмотря на всё это, от холода она вяла, медлительна, сонна и всерьёз (как и я сам) опасается замёрзнуть насмерть, подобно моей несчастной подруге, Фаве.

Талантлива Джали изрядно, но в чём именно – раскрывать сей секрет с моей стороны, пожалуй, не слишком разумно. От верёвок она освободилась немедля, как только связавшие её руки разбойники оставили нас одних. Любые подобные узы ей нипочём, а её рослый мул белой масти относится к ней вполне терпимо, хотя и не без естественной боязливости. Вот наши кони – те сразу впадают в панику, стоит Джали подъехать чересчур близко... но, вероятно, я уже разболтал слишком многое.

Ну а обо мне самом рассказывать особо нечего. Я – Бивень, отец Шкуры с Джали. Гораздо выше среднего роста, худ, с неприглядным, костлявым лицом в обрамлении длинных, густых, точно женские, выбеленных сединою волос. Одеждой мне служит длинный плащ из овчины поверх стареньких тёмных риз, в которых я покинул Гаон, а обувью сапоги из бараньей кожи, такие же, как у Шкуры.

Ну, вот, теперь ты, можно сказать, знаешь нас всех – всех четверых, а мне настоятельно нужен отдых.

* * *

До побережья мы надеялись добраться ещё сегодня, однако моря впереди до сих пор не видать. Спрашивал я Шкуру, долго ли нам, выйдя на берег, ехать до Нового Вирона – наверняка ведь не один день, а он ответил: по меньшей мере неделю. Вне всяких сомнений, он прав, но... побольше бы оптимизма! Ну а поскольку Новый Вирон, скорее всего, на юге, по пути в поселение мы непременно проедем и мимо Ящерицы. Проедем, но переправиться туда без лодки, конечно, не сможем. Кроме того, как бы мне ни хотелось увидеть Крапиву (а также Копыто?), и нашу мельницу, и наш дом, я твёрдо решил (точнее, смирился с необходимостью) прежде всего заехать в Новый Вирон, продать наших коней и кое-что из добычи, а на вырученные деньги приобрести лодку.

Шкура с Джали давно спят. Меня это, откровенно сказать, беспокоит, поскольку обычно Джали спит совсем понемногу, однако лежит она возле костра, укутанная как можно теплее: два одеяла снизу, ещё три сверху и, разумеется, меховой плащ. Лицо её...

А Орева я отправил вперёд, на поиски моря. Конечно, в оценке расстояний, не говоря уж о трудности преодоления рек, топей и тому подобного, он куда менее искусен, чем хотелось бы, однако кое-что стоящее сообщить сможет. Надеюсь, сможет. Если б не холод, в разведку отправилась бы Джали, причём с куда большим успехом.

Завтра нужно отыскать хоть какое-нибудь местечко, где мы сумеем пополнить запасы провизии. Считал бы я, что Джали голодна не меньше, чем сам, – пожалуй, побоялся бы засыпать.

Ближе к утру меня разбудил Шкура, а для чего? Чтоб рассказать о приснившемся. Он полагает, сон этот может многое значить, и, вполне вероятно, прав. Теперь он снова спит, но я лучше посижу у костра до рассвета... а впрочем, если б не тучи на небе, уже бы и рассвело.

– Ну и странный же сон, отец! И длинный необыкновенно, и я даже не понимал, что сплю, пока он не кончился.

– Говорят, если понимаешь, что всё это сон, значит, практически проснулся, – кивнув, заметил я.

– Выходит, спал я крепко, но как только сон кончился, проснулся вмиг, а было это от силы минуту назад. Наверное, не стоило тебя по плечу стучать, но...

– Но сожалеть о сём уже поздно.

Пребывая в уверенности, что сумею снова уснуть, и немедля, я потянулся, зевнул во весь рот.

– Может, подать тебе чего-нибудь? Выпить, к примеру, а? Вина у нас ещё уйма.

Я, отрицательно покачав головой, предложил ему рассказать о приснившемся, раз уж он разбудил меня ради этого.

– Снилось мне, будто я в большом-большом доме. Вроде дворца. Я, правда, настоящих дворцов ни разу не видел, но вроде того Дворца Кальда, о котором вы с матерью столько раз вспоминали. Только безо всякого великолепия – скорее, что-то вроде громадной кухни из уймы комнат. Знаю, глупость выходит какая-то, однако ж...

– Если и глупость, то вполне в духе снов.

– Так вот: залы, чуланы и всякое такое, столы, стулья, уйма громадных шкафов из какого-то светлого дерева, гладкого, полированного, но, понимаешь, почти без росписей и без резьбы, а часть стульев вверх ножками перевернута. Запахов я во сне обычно не чую, а тут постоянно вокруг кухней пахло – к примеру, мясом, тушащимся в котле с кучей перца, или пекущимся хлебом...

– Это всё из-за голода, – предположил я. – Тем, кто ложится спать на голодный желудок, часто снится еда.

– Нет, еды я никакой не видел ни разу, но пахло ею всё время. И вот брожу я там, и... не знаю даже, как объяснить.

– В таком случае не стоит и стараться.

– Я будто бы младше сделался. Не скажу точно, скольких лет от роду, но во сне чувствовал себя куда младше, чем есть.

– Вот бы и мне приснилось нечто подобное!

– Да? А я с Копытом столкнуться боялся. Думал, он на меня разозлится за то, что я младше, а сам-то окажется старше, больше, сильнее. Словом, бродил я там долго и порой замечал, как в комнаты входят люди высокого роста, с множеством ног, однако дверей отворить не мог... а чаще всего и не пробовал. А иногда они ждали чего-то, стоя у стенки, где их толком не разглядеть из-за какого-нибудь буфета или другой мебели, а подходить да приглядываться страшновато было... Снова кружки на щеке чертишь, отец? Что б это могло значить?

– Видимо, ничего особенного. Удалось ли тебе хоть раз разглядеть их как следует?

Шкура покачал головой.

– Носы у них были длинные?

– По-моему, да.

– Уши большие?

– Не знаю, не заметил. Лиц вообще толком было не видно, однако знакомым мне не показался никто. Ни один.

– Понимаю. А не приглядывался ли ты, Шкура, хоть раз к собственным ладоням?

– К собственным ладоням? Нет... кажется, нет.

– Да, подобное у нас не в обычае. По крайней мере, я лично нечасто обращаю внимание на свои. Вот Джали – та, должно быть, заботится о собственных руках куда больше. Знаешь, когда мы схватились с разбойниками, я насмерть забил одного из них посохом...

– Помню, а как же, – кивнув, подтвердил Шкура.

– А я думал, ты ничего не заметил. Ты ведь стрелял.

– Тебе ж пришлось, отец... деваться некуда было.

– Нет. Нет. Я и намерений таких не имел. Просто ударил, ударил этак с полдюжины раз, а он упал, однако ножа из рук не выпустил. А после начал подниматься, и я испугался... отчаянно испугался, обезумел от страха, Бивень...

– Я – Шкура, отец.

Сейчас пишу об этом и краснею, однако лишь заморгал, уставился на него, не понимая, как мог допустить столь нелепую оговорку. Выручил меня Орев, спорхнувший наземь – так, чтобы от Джали его отделял костёр.

– Сыр-рость... большая! – важно объявил он. – Птичка – найти!

– А далеко она? – спросил его Шкура.

– Птичка – найти! – повторил Орев.

– Он хочет сказать: для нас далеко, но для него – нет, – пояснил я. – А скажи, Орев, нет ли там, где суша примыкает к морю, поселения?

– Поселение... большое!

– Понятно. А ближе, по пути к морю? К примеру, где-нибудь там, куда мы смогли бы добраться уже завтра?

– Поселение – нет.

Я кивнул.

– Благодарю тебя от всего сердца, Орев. Ты нам изрядно помог.

Орев взвился в воздух.

– По-прежнему боится Джали, – объяснил я Шкуре. – По-моему, совершенно напрасно, однако ж боится.

– Я тоже... немножко. Ну, то есть здесь. Не на Зелёном или в тех, других, краях.

Я вновь кивнул.

– Кстати, в твоём сне её не было?

Шкура отрицательно покачал головой.

– А ещё кого-либо, кроме тех рослых людей?

– Девочка была, маленькая, по имени Мора, и ещё одна. Помнишь Мору, приезжавшую на ту ферму, которую Джали выдавала за свою? Ты говорил, что знал её прежде, да и она с тобой разговаривала как со знакомым.

– Разумеется.

– Вот эта девчонка здорово на неё походила: смуглая, симпатичная, понимаешь? И пятнышко тут, – прибавил Шкура, ткнув пальцем в самую середину собственной щеки.

– Понимаю.

– Так вот, играли они в куклы. Ну, знаешь же, как у девчонок водится.

– Да, естественно.

– Кукол у них была целая уйма, и посуды игрушечной, и крохотных столиков со стульями. Смуглой захотелось, чтоб я поиграл с ними, я и говорю: ладно, только не в это вот. Не в куклы. Тогда вторая говорит: как, дескать, насчёт прятков? Ладно, отвечаю, пойдёт. Тогда они говорят: куклы их пускай тоже играют. То есть кому водить выпадет, чтоб кукол тоже искал.

– Понимаю.

– Закрыв я глаза ладонями – сам знаешь, как в прятках положено, и сосчитал до ста. Помнишь, ты спрашивал, приглядывался ли я к своим рукам?

– Конечно. Значит, приглядывался?

– Ага. Только что вспомнил: тогда-то я их и разглядел. Помнится, сосчитал, опустил руки, и заметил, что они тоже младше нынешнего, как всё остальное.

– А колечка на пальце не видел? Колечка, перстенька... хоть чего-нибудь этакого?

Шкура покачал головой.

– Помнишь колечко, найденное мною в посадочной шлюпке?

– Ясное дело, помню, только ты же его отдал Жиле, не мне. А если б и мне, вряд ли я бы его с собой забрать смог.

– Да, это верно. Мне просто хотелось узнать, запомнил ли ты, как оно выглядело.

– Колечко белого золота... с белым камешком.

Кивнув, я оглядел собственные руки и подобрал посох, лежавший рядом, возле моего походного ложа.

– Этим посохом я, как уже говорил, убил человека. Не имея намерения убивать его, но испугавшись, как бы он не убил кого-то из нас. Подумав, что он может убить тебя или Джали, я бил его, дубасил изо всех сил, а после, по завершении схватки, взглянул на него... а он мёртв.

– Но ты-то в этом нисколько не виноват, отец!

– Разумеется, виноват, причём не меньше его. Моя вина состояла... состоит в том, что я лишил его жизни. Его вина – в том, что я взял на себя грех человекоубийства, поскольку он внушил мне весьма серьёзные, обоснованные опасения. Но, как бы там ни было, даже самые убедительные доказательства нашей с ним невинности к жизни его не вернут.

– Это уж точно.

– По завершении схватки я заметил на собственных руках кровь и понял, что кровь эта – его. А пока мыл руки, мне вдруг на секунду подумалось, что я потерял колечко, полученное в подарок от Взморник.

– Птичка... сказать! – каркнул Орев с ветки в некотором отдалении от костра. – Сказать девочка!

Я поднял на него взгляд.

– О чём ты, Орев?

– Сказать девочка! Шёлк – идти! Иди... сыр-рость!

Взлетев, он тут же скрылся из виду, исчез в тёмном небе.

– Может, он хочет предупредить мать, что мы возвращаемся домой? – рискнул предположить Шкура.

– Возможно, и да. Но чем же, позволь полюбопытствовать, закончился твой сон?

– Э-э... ну, стало быть, прикрыл я глаза ладонями, сосчитал до ста, а после долго, долго искал. Случалось, тех, рослых видел. Стояли смирно, не двигаясь, возле чего-нибудь повыше, вроде одного из буфетов или больших часов. Но я понимал, что они с нами не играют, что мне их вообще видеть не полагается, и делал вид, будто не замечаю их, шёл искать дальше.

– И как? Нашёл хоть кого-нибудь?

– Ага. Долго пришлось искать, но в конце концов нашёл. Открываю большущий такой шкаф, а там одна из кукол...

На этом он и умолк, заметно чем-то встревоженный.

– Я бы подумал, что ты обрадуешься.

– Да, верно, однако это же всего-навсего кукла. На младенца похожая, только кто-то лицо ей вырезал вроде как на твоём посохе. Почти такое же, только младенческое, и в розовый цвет раскрашено. Младше, чем малыш Балы. Даже не понять кто – девочка или мальчик.

Я усомнился, что это имеет хоть какое-нибудь значение.

– Наверное, не имеет. Взял я её на руки, будто живого младенца, и двинулся назад, к «дому»... то есть туда, где до сотни считал.

– Понимаю. И нашёл ли то место?

– Не-а. Искал, искал, да так их и не нашёл. Ну, то есть того столика с игрушечными стульями, за которым сидели куклы. Наконец усадил куклу в угол – тебе, говорю, водить. Глаза руками закрой, говорю, считай до ста, а как досчитаешь, иди искать остальных. Объяснил всё это и прятаться побежал. Там поблизости оказался такой громадный, длиннющий диван с уймой ножек... даже не помню: может быть, с восемью, а может, и с целым десятком. Я – на живот и заполз под него.

– И что же дальше?

– А под ним уже девчонка маленькая пряталась. Я сначала принял её за ту, с жёлтыми волосами, но нет, обознался.

Я, кивнув, сказал, что весьма сему рад.

– Тогда я решил, что это вторая, Мора, только опять обознался.

– Кем же она оказалась в итоге?

Шкура, встревожившись сильнее прежнего, опустил голову, будто не в силах взглянуть мне в глаза.

– Не знаю.

– На этом сон и закончился?

– Почти. Разговоров мы не заводили, просто прижались друг к дружке, обнялись крепко-крепко... страшно нам было очень.

– Страшно? За игрой в прятки? Чего же вы боялись?

– Наверное, что нас найдут. Я лежал спереди, а она позади, у самой стенки, и мне хотелось сказать: увидят меня – вылезу, пускай застукают, а тебя не заметят. Хотел, да только не сказал. И совсем скоро услышал, как кукла идёт – неторопливо так, топ-топ-топ, заглядывает во все шкафы... И тут-то проснулся. Проснулся и тебя разбудил.

– Дабы спросить, что означает сей сон.

– Ага, – кивнув, подтвердил Шкура.

– Однако кое о чём насчёт сновидения рассказывать мне не желаешь. Кем оказалась та девочка под диваном?

– Так ведь не знаю я!

– Всё ли, что помнишь о ней, ты рассказал? Не умолчал ли о чём?

– Что всё это значит, отец? Можешь сказать?

– Кое-какие догадки высказать, наверное, могу, но не намерен гадать, пока ты не желаешь рассказать обо всём, что запомнил. Расскажешь или как?

– Подумать надо, – ответил Шкура и снова улёгся спать.

По левую руку от него шумело море, по правую высились утёсы чёрных прибрежных скал, увенчанные тёмными, величавыми деревьями. Порой ему приходилось перебираться через россыпи валунов и завалы из брёвен; порой путь вёл по прибрежной гальке, а пологие, неторопливые волны подкатывали к самым подошвам сапог. Шёл он уже долго и чувствовал, что до конца ещё далеко, хотя знать не знал, насколько, и даже куда идёт. Над морем кружила, камнем падала вниз и вновь набирала высоту одинокая птица. Услышав её резкий, отрывистый крик, он приостановился и поднял взгляд. В глубинах памяти что-то встрепенулось, тронуло сердце, однако облечь воспоминания в слова ему так и не удалось.

Наконец впереди показался домик – крохотный, грубой постройки, стены из толстых брёвен, пологая крыша покрыта дранкой, во многих местах изогнувшейся кверху, покособившейся от солёной морской воды и жара Короткого Солнца. Направившись к домику, он смутно осознал, что каким-то манером покинул берег, что бредёт по воде, а может, удаляется от моря в глубину суши. Стоило приблизиться к двери, под ногами хрустел песок пополам с кусочками древесной коры. Прежде чем войти внутрь, он с осторожностью постучал о крылечко левой ногой, затем правой, отряхнул сапоги, переступил порог и...

И оказался дома. Внутри обнаружился и стол, за которым они ели, и кресла без подлокотников, предназначавшиеся для него самого и Крапивы, и табуреты мальчишек... Когда Мозг и прочие приплыли просить его о возвращении в Круговорот, кресел на всех не хватило, и кому-то пришлось выволакивать наружу тяжёлый дощатый сундук, сколоченный им для хранения зимней одежды, послуживший сиденьем кому-то ещё.

Однако Мозг и прочие ещё не приезжали с просьбами о возвращении. Сейчас в корзинке у самой стены, в старой корзинке-плетушке, сработанной самой Крапивой перед отъездом с фермы, их доли Синего, земли, доставшейся им по прибытии, поскольку землёй и домашней живностью хотелось обзавестись всем до единого, даже тем, кто, вроде них самих, понятия не имел, что со всем этим делать, спал сладким сном младенец. Младенец... их сын, Жила – это он понял сразу, не успев разглядеть ни лица малыша, ни серебряного колечка на его пальчике, ни белого камешка на колечке.

И тут появилась ингума. Согбенная, измождённая, отдалённо схожая с женщиной в подобии платья, кое-как сооружённого из порывевших от времени тряпок, она чем-то напоминала Джали. Неужто Джали прилетала на Синий за пищей, за человеческой кровью, а после вернулась на Зелёный и прилетела на Синий вновь? Как долго пришлось ей голодать под камнем, в Гаоне?

Ингума склонилась, собираясь напиться, и он, отвернувшись, вмиг оказался посреди песчаного морского берега, на корточках, рядом с прежним, былым Бивнем, сидевшим поверх одеяла бок о бок с Крапивой. Правой рукой Крапива сжимала его руку, а левой указывала в сторону прыгавшей вдалеке рыбы, невидимой на фоне заходящего солнца, но оставлявшей след, серебристые круги на глади спокойного моря. От обоих веяло боязнью новой беременности, незримой, подобно рыбе, но гораздо, гораздо более осязаемой.

– Видел ли ты хоть раз подобную красоту? – заговорила Крапива.

«Тебя», – шепнул он на ухо Бивню.

– Когда мы летали на воздушном корабле... помнишь? Я поднималась наверх, на крышу гондолы, одна. Только тебе до сих пор не рассказывала.

– Я бы с тобой поднялся.

– Знаю, но ты ещё спал, да и мне уж очень хотелось всего разок побывать там одной. Случилось это, по-моему... да, верно, накануне возвращения в Вирон.

– Ну и холодно там, наверное, было, – заметил Бивень, сидевший с ней рядом.

И он, путник, шедший вдоль берега моря, понял, что Бивень вспоминает недавно минувшую зиму, которая вскоре наступит вновь, и ослика, замёрзшего в выстроенном специально для него сарайчике, и себя самого, стоящего над осликом с ножом в руке и думающего: тут, дескать, ошибка какая-то, ведь этого просто не может быть, ведь ослик совсем мал, года ещё не прожил, а значит, произойти подобного никак не могло... однако там, в бревенчатом домике на берегу, Джали напилась досыта. Напилась, убрала клыки, лизнула лицо и шейку младенца, утёрла рот тыльной стороной ладони... а после оборванное, жутко исхудавшее подобие женщины с голодным взглядом, скользнув за дверь, исчезло из виду.

– Ещё как, но всё же теплей, чем в Вироне, на земле, когда мы туда добрались. И солнца было почти не видать, потому что воздушный корабль как раз вдоль солнца летел.

– Да, помню, – подтвердил Бивень, сидевший с ней рядом.

– Однако начало ростени я всё равно заметила. Будто увидела в мыслях... и первые лучи заструились вниз, словно золотистая пыль.

Возможно, Бивень, сидевший с ней рядом, что-то ответил, а может, и нет. Если и да, странствовавший вдоль берега моря путник, присевший рядом, ничего не расслышал. *«Вскоре солнце скроется за горизонтом, в небесах засияют звёзды, ветер станет холодным, ты войдёшь в дом, обнаружишь Жилу, и ваша жизнь изменится навсегда. Обними её крепче, не мешкай. Скажи, что любишь её, сейчас же, пока не поздно...»*

Как же отчаянно ему хотелось заговорить, как отчаянно хотелось, чтоб его услышали, поняли! Качнув из стороны в сторону головой, покоившейся на мягких, измятых стеблях пшеницы, он осознал, что за всё это время не издал ни звука.

Веки поднялись сами собой. Опершись о землю, он сел. Всё происшедшее, всё до мелочей казалось вполне настоящим, но обернулось сном, всего-навсего сновидением, а вокруг по-прежнему царила непроглядно тёмная ночь.

Надо бы лечь. Лечь и снова уснуть. Спутники ждут, надеются, что с утра он поведёт их в бой, на штурм деревни сына...

Весь день ехали под горку. Зима здесь уже мягче, хотя холодно до сих пор – жуть. Всем, даже нашим коням и мулу Джали, очень хочется под крышу, спрятаться от стужи и ветра, пускай хоть всего на часок.

Сегодня нам встретились другие путники, четверо купцов со слугами и выючными животными. Встреча с ними нас изрядно обрадовала, но, по-моему, они обрадовались нам ещё сильнее, так как поссорились и жаждали выплеснуть накопившиеся обиды. Я слушал их, пока хватало терпения, и даже дольше, вспоминая все дурацкие ссоры, в которых участвовал сам, нередко в роли зачинщика. Должен заметить, выслушивать от посторонних жалобы вроде собственных, конечно, неловко, однако весьма поучительно. Тем более что все они оказались людьми насквозь скверными, причём из тех, к которым принадлежу я сам, – то есть мерзавцами, полагающими себя честными, добропорядочными людьми.

В конце концов Джали, откинув назад капюшон, указала трясущимся пальцем в сторону говорящего и велела ему объяснить, что им, собственно, нужно.

– Рассудите наш спор, – ответил один из встречаемых, говоривший куда меньше прочих (зовут его, по-моему, Зик).

Пришлось объяснять, что для этого им придётся повиноваться мне как судье, иначе толку от моих суждений ждать глупо, и встречаемые один за другим поклялись в беспрекословном подчинении моей власти. Как выяснилось, главное их божество – Сцилла, совсем как у нас, в Вироне. Поэтому я велел им поклясться именем Сциллы, и Иносущего, и всеми богами, какие ни обитают по сию пору здесь, на Синем, и, напоследок, поразмыслив, чем бы ещё их впечатлить, самым Прежним народом.

– Ну а теперь, – заговорил я, как только с клятвами было покончено, – слушайте мой приговор. Вы настолько озлобились, отреклись от самих себя, запутались в тенётах противоречивых претензий и обвинений, что мир между вами более невозможен. Однако мучить себя таким образом далее вам совсем ни к чему. Если не ошибаюсь, едете вы в одни и те же края?

Так оно и вышло: все они следовали в прибрежное поселение под названием Дорп.

– Тогда приговор мой таков: вам надлежит ехать туда по отдельности. Вот ты, – начал я, указав на самого корпулентного и, кажется, самого состоятельного из купцов, назвавшегося Натом, – отправись дальше немедленно. Сколько из этих мулов и лошадей твои?

Таковых оказалось шестнадцать.

– Забирай их и езжай дальше. И как можно быстрее. Мы отдохнём здесь, выждем какое-то время и тронемся следом. Первым поедет вот этот блондин, что стоит впереди; между сыном и мною – вон тот, в шапке рыжего меха; а этот [*таковым оказался Зик*] – следом за моей дочерью. Спустя час или около я отправлю его вперёд, как сейчас отправляю вперёд тебя, спустя ещё час – другого и так далее.

– А если меня ограбят? – возразил Нат. – В одиночку не больно-то воспротивишься!

– Ну отчего же? Одиночка вполне может дать грабителям бой. Конечно, в бою его могут прикончить, однако подобный риск берёт на себя всякий, ссорящийся с друзьями. Вели погонщикам собрать свой караван и поезжай.

– Человек – идти! – поддержал меня Орев.

Глаза его полыхнули огнём жгучей ненависти, отчего пауза длиной всего в пару секунд показалась мне куда продолжительнее.

– Ещё чего!

– В таком случае арестуйте его, – велел я троим остальным. – Помните: вы дали клятву повиноваться мне беспрекословно. Стащите его с лошади и бросьте в снег.

Тут Нат выхватил из-за пазухи иглострел, но я вовремя ударил его посохом по запястью. С сожалением должен отметить, что он (а также его лакей, двое погонщиков, восемь лошадей и десяток мулов) до сих пор с нами. Думал я вечером поручить Шкуре развязать его и избавить от кляпа, но так устал, что позабыл обо всём, а сам Шкура был занят – разгружал, рассёдлывал и стреноживал наших коней. Ну ничего: судя по его толщине и красноте лица, пропущенный ужин, скорее, пойдёт ему на пользу, чем повредит. Утром покормим, прежде чем отпустить, и хватит с него.

В сон клонит так, что хватило бы на двоих, но, прежде чем лягу, нужно отметить: коней у нас, не считая мула Джали, две пары. Всего животных выходит двадцать три – за вычетом Орева, похоже, отправившегося на разведку: лошади Ната и его лакея, его же выючные мулы, наши со Шкурой кони, мул белой масти и две выючных лошади, доставшиеся нам от разбойников, нагруженные нашими скудными пожитками да кое-какой добычей.

II. Божок Всевеликого Паса

Женщина принялась поливать раны тёплой водой, а её муж встал рядом с зажжённой лампой в руках.

– Что же с тобой приключилось?

Он лишь покачал головой.

Муж хозяйки насмешливо хмыкнул.

– Не знает, ты на лицо его посмотри! – одёрнула мужа женщина и вновь обратилась к нему: – Так, эту можешь теперь опустить. Другую вперёд вытяни. Вот так, над бадейкой.

Он с детской покорностью поднял над бадейкой другую руку.

– Вот брат твой двоюродный... как его там? Термит? – продолжала хозяйка.

– Термобия, – поправил её муж.

– Он в тот раз, как упал, имени собственного вспомнить не мог.

– Так ты упал откуда-то? Голову зашиб? – полюбопытствовал муж хозяйки.

– Как тебя звать?

– Б-бивень, – не без колебаний ответил он.

– Не хочет нам называться, – заметил муж хозяйки.

– Ну вот, теперь чистые, – подытожила женщина. – Уйма народу скажет: вином, мол, промывать надо, однако кипячёная вода почти ничем не хуже, а вино нынче дорого.

Он с благодарностью кивнул головой.

Хозяйка, подняв бадейку, сооружённую из стянутых железными обручами клёпок, отнесла её к раковине и выплеснула изрядно порозовевшую от крови воду.

– Откуда ты?

– Ящерица...

(Ответ сорвался с языка сам собой.)

– То есть? От Ящерицы послан? А кто он таков?

– Где мы? В Круговороте?

– Ну да. До сих пор тут, – подтвердил муж хозяйки. – Конечно, они нас выжить отсюда силятся, но ничего, ещё кто кого первым выживет!

– Хвастун, – хмыкнула хозяйка.

– В таком случае я из Вирона. В Вироне родился и рос. Вы же с Вироном не воюете? – охваченный внезапными опасениями, уточнил он.

– Им нынче не до нашей глуши, – успокоил его муж хозяйки.

– А где мы? – спросил он, обводя взглядом кухню, как будто громоздкая чёрная плита или низки лука под потолком могли подсказать ответ.

– В Тупике.

Треск чистого лоскута, разорванного хозяйкой, вмиг воскресил в памяти кровь, дым и дробный стрёкот скорострелок.

– В Тупике, в Тупике, – кивнув, подтвердил её муж. – Дальше нас от Вирона только дикая глухомань.

– И у нас тут даже не сам Тупик, – энергично добавила хозяйка. – Вытяни руку. Вон та опять кровит, – распорядилась она и перевязала рану ветхой, но чистой тряпицей. – До Тупика от нас ещё около часа ходьбы, и то когда солнце вернется.

– Однако ж ближайшая деревня, – пояснил её муж.

– Не ближайшая, а единственная, – поправила его хозяйка.

– Мне крайне не хотелось бы обременять вас...

На это ни он, ни она не ответили.

– Полагаю, уже изрядно обременил... но, как только ты перевяжешь раны, уйду.

– Ножевые? – чуть дружелюбнее прежнего уточнил муж хозяйки.

– Не зна...

Тут ему вспомнился нож на полу. Как угрожающе он выглядел!

– Да, – отвечал он. – По-моему, да.

– О-о! Отбивался, значит... не от божка ли? – с хитрецей осведомился муж хозяйки.

Это слово оказалось для него внове.

– Божок прикончил бы его тут же, – буркнула хозяйка.

– Ну, большой-то – конечно, – согласился её муж.

Разумеется, ему захотелось спросить, кто таковы эти «божки», однако чутьё подсказывало: не стоит.

– Я разглядел свет в вашем окне... – (Это казалось куда безобиднее.) – Понимаете, уснул среди поля... видимо, среди одного из ваших полей. Проснулся, а вокруг ни единого огонька, кроме вашего. Вот на свет и пошёл. Надеюсь... надеюсь...

– Кто пьян напьётся – непременно в драку ввяжется, – сурово сказала ему хозяйка. – Оставь уж эти забавы молодым.

– Наш дом тут, в округе, единственный, если обители не считать, – сообщил её муж.

Он в удивлении поднял взгляд.

– Так у вас здесь и авгур есть?

– Нет. Теперь уже нету.

Хозяйка, затянув последний узел, выпрямилась во весь рост.

– Раньше был. А обитель, говорят, до сих пор принадлежит Капитулу, – взглянув на него вприщур, пояснила она. – Сейчас там женщина какая-то. Из города, надо думать, явилась. Ты с ней знаком?

– Не знаю, – поднявшись, ответил он. – А как её зовут?

– Она не из разговорчивых, – буркнула хозяйка.

Её муж опустил лампу на обшарпанный, выдавший виды стол.

– Моя-то отправилась к ней, познакомиться да подружиться, а та дверь у неё перед носом захлопнула: хвораю, говорит, не до гостей.

– С виду ей вроде и вправду нездоровилось... Поесть хочешь? – не без колебаний предложила хозяйка. – Думаю, чем-нибудь поделиться мы в состоянии.

В ответ он отрицательно покачал головой.

– Не хотелось бы злоупотреблять вашим гостеприимством. Пойду я, пожалуй. Пора.

Взглянув в распахнутое окно, он мысленно съёжился – столь непроглядным казался царивший снаружи мрак.

– А далеко ли ещё до ростени? Хотя бы примерно?

– До ростени?

Муж хозяйки сплюнул за окно.

– И об этом, значит, забыл? – вздохнула хозяйка.

– Забыл? О чём?

В углу обнаружилась палка. Неокорённая, изрядно кривая, она, очевидно, принадлежала ему.

– Тёмный день. Солнце-то гаснет порой. Вот и сейчас погасло.

Тут ему смутно вспомнилось происшествие на Солнечной: алтарь посреди мостовой, позади – Священное Окно, в Окне – лик Эхидны, явившийся на смену тьме жар, пылающая смоковница...

– Да, верно, – откликнулся он.

– В беду ведь попадёшь, – проговорила хозяйка, будто кто-то тянул из неё силой каждое слово. – Опять во что-нибудь влипнешь. Оставайся у нас, пережди, пока солнце не загорится.

Он обвёл взглядом обоих.

– А вы не знаете?..

– Откуда бы?! – На сей раз в голосе мужа хозяйки слышалась злость пополам со смирением. – Его ж боги гасят, чтоб мы убрались отсюда.

– Да, с головой у тебя точно неладно, – с новым вздохом заметила хозяйка, – иначе б сам знал...

– Ладно. Скажу я вам правду. То есть объясню всё как есть. Всё, как и следовало бы с самого начала.

На кухне воцарилось молчание.

– Что ж, выкладывай, – наконец сказала хозяйка.

– Нет, я вам ни в чём не солгал. Родился я и вырос, в точности как говорил, в Вироне. Однако более двадцати лет прожил на Синем.

Отсутствие какого-либо выражения на простоватых, усталых, обветренных лицах обоих подсказывало: о чём речь, хозяева не понимают.

– Синим мы называем один из круговоротов за пределами Круговорота, – пояснил он.

Хозяйка с мужем не проронили ни слова.

– Поскольку он сплошь синий, если смотреть с большой высоты, с борта посадочной шлюпки. Синий с белыми прожилками облаков, но облака видны только вблизи... а, к примеру, с Зелёного он, если небо настолько ясно, что его можно разглядеть, кажется попросту голубым пятнышком. И там, на Синем, я, повторюсь, прожил многие годы. А после этого долгое время провёл на Зелёном... то есть мне оно показалось ужасно долгим, хотя на самом деле прошло всего около полугода. Одним словом, мне что хотелось бы объяснить: в этом круговороте я не был очень, очень давно.

– И, стало быть, побывал там, куда нас упорно гонят, – пробормотала хозяйка себе под нос.

– Кто, боги? Да, да, именно там я и жил.

– А вернулся зачем? – полюбопытствовал муж хозяйки.

– Чтоб разыскать Шёлка. Патеру Шёлка. Может, кто-то из вас его знал? Шёлка, кальда Вирона.

Хозяйка с мужем вновь не проронили ни слова, а лишь, придвинувшись ближе друг к дружке, уставились на него вприщур.

Всё остальное казалось второстепенным, пустячным, однако он решил рассказать и о прочих полученных поручениях.

– А ещё чтоб привезти обратно новые сорта кукурузы и прочие семена, вникнуть в кое-какие производственные процессы... но в основном ради того, чтоб привезти Шёлка в Новый Вирон, на Синий.

– Семена кукурузы? Много дать не могу, самим нужны.

В ответ он смиренно склонил голову.

– Несколько штук – возможно, с полдюжины – будет вполне довольно.

Муж хозяйки замотал головой, будто мул, не желающий принимать угощение.

– Полдюжины початков? Нет, нет, и не мечтай!

– Я имею в виду полдюжины семян. Полдюжины кукурузных зёрнышек.

– Думаешь, хватит?

– Думаю, да, и буду тебе весьма благодарен.

– А назад как вернёшься? – осведомилась хозяйка.

– Пока не знаю...

Обнаружив, что устремил взгляд вниз, к широким разохшимся половицам, а голову подпирает ладонями, он собрал волю в кулак, выпрямился и взглянул на хозяйку.

– Сюда вернуться мне помогли Соседи. Соседи... то есть Прежний народ, живший на Синем тысячу лет назад. Перебросили меня сюда каким-то образом... только не знаю как.

– И давно ли ты здесь оказался?

– Вчера. По крайней мере, спал я, прежде чем к вам прийти, только раз, – ответил он, сиюсья вспомнить всё в точности. – Но солнце, когда я здесь появился, светило. Уверен, светило.

– Ну да, – закивал муж хозяйки, – дело не в днях с ночами. Главное, горит ли солнце или же не горит... А ты, если Шёлка разыщешь, как обратно его повезёшь?

– На посадочной шлюпке, наверное. Вы же говорите, боги вас выгнать отсюда стараются, так?

Оба, вмиг помрачнев, кивнули.

– Значит, посадочные шлюпки здесь ещё есть – хотя бы те, что возвращаются за новыми поселенцами. Ведь боги не стали бы выгонять вас силой, если б вам не на чем было покинуть Круговорот?

Муж хозяйки вновь сплюнул за окно.

– Я слышал, они все до одной неисправны.

– Да, на Зелёном мне с одной из таких столкнуться пришлось...

Пройдясь по кухне и обнаружив, что держится на ногах куда лучше, чем полагал, он подхватил свою палку.

– Поджарю-ка я немного бекона, – сказала хозяйка. – Из-за жары нечасто его готовлю, но нынче поджарю, как только плиту растоплю.

– Весьма любезно с твоей стороны, – ответил он, сам удивившись искренности своих слов. – Я очень тебе благодарен... действительно благодарен. Однако еды мне не нужно, а уж роскоши всякой – тем более.

Хозяйка, словно не слыша его, сдвинула в сторону занавесь из старенькой простыни и принялась обшаривать почти пустые полки.

– И кофейку сварю. Кофе нынче кусается, не укупишь, но ещё на заварку остатков, кажется, хватит.

– Будь добра, завари лучше мате, – попросил он, вспомнив о любимом с детства напитке. – Мате – вот чего я бы с удовольствием выпил! Сколько лет не пил...

– Тебе семена кукурузы нужны или как? – напомнил ему муж хозяйки. – За ними в амбар идти надо.

С этими словами он тоже вооружился палкой – толстой, узловатой, похожей скорее на палицу, чем на трость либо посох.

– Да, разумеется. Очень нужны.

– Ладно, идём.

Прислонив посох к креслу, муж хозяйки запустил руку под стол.

Тем временем хозяйка попросила его покачать помпу, и он послушно принялся качать массивную железную рукоять вверх-вниз, сливая ржавую воду и наполняя чистой, свежей кофейник.

Наконец муж хозяйки запалил от лампы грубо сработанный жестяной фонарь, извлечённый из-под стола.

– Вот. Пошли. С этим ей ещё повозиться придётся, – сообщил он, указав кивком на плиту.

– Кофе, бекон и хлеб, – пробормотала хозяйка, обернувшись к ним. – Этого хватит?

– Хватит, и ещё как! И, если можно, я вправду предпочёл бы мате.

Муж хозяйки отворил дверь (впуская внутрь чёрный, точно чернила, мрак), вооружился посохом и поднял фонарь.

– Идём.

Вдвоём они вышли за порог, в темноту.

– А что, снаружи небезопасно? То есть когда солнце гаснет, – спросил он, покосившись на посох мужа хозяйки.

– Бывает порой. Стало быть, тебя Бивнем кличут?

– Да, – отвечал он, – а вот твоего имени я, боюсь, как-то не уловил.

– А я им и не разбрасывался, – ответил муж хозяйки, хохотнув над собственной шуткой. – И тебе, стало быть, семена нужны?

– Да. Очень и очень.

Тут он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Казалось, за ними обоими наблюдает некий обладатель холодного разума, намного превосходящего его собственный, и в темноте этот некто видит не хуже, чем ясным днём. Отбросив сию мысль в сторону, он быстрым шагом двинулся за мужем хозяйки. Земля под ногами оказалась сухой, неровной, твёрдой, точно железо.

– Сам кукурузу растить умеешь?

– Нет, – не без колебаний, опасаясь, как бы признание не стоило ему семян, ответил он. – Пробовал как-то раз и выяснил, что не умею... хотя до этого думал иначе. Однако полученные от тебя семена будут сажать те, кто во всём разбирается от и до. Моё дело – всего-навсего привезти их.

– В темноте кукуруза не вырастет.

Вспомнив собственные предположения, будто те, кому заказано выйти к Златой Стезе, могут выращивать хлеб у её обочин, он невольно заулыбался.

– И что-либо другое, думаю, тоже.

– Нет, кое-что может. Только не кукуруза.

С этим муж хозяйки распахнул широкие дощатые двери. Изнутри раздались заполошнные протесты возмущённых кур.

– Не загорится солнце – нам всем конец. Идешь, нет?

Он поднял взгляд к угольно-чёрному небу.

– Вон там огонёк... будто крохотная красная искорка. Где он? В небесных землях? Здесь же небесные земли есть.

– Это точно.

– На Синем в ночном небе полным-полно звёзд. Тысячи тысяч. Странно, что отсюда видна хоть одна.

– Там город горит.

Охваченный ужасом, он опустил взгляд.

– Как солнце погасят, там, наверху, непременно хоть один город да загорается. Ладно. Нужна кукуруза? Пошли.

Он поспешил в амбар.

– Я семена ращу сам. Двух сортов. Скрещивать меж собой их нельзя. С любыми другими сортами тоже. Об этом тебе известно?

– Думаю, да, – смиренно кивнув, подтвердил он.

– Скрестишь – получишь добрые семена. Бери и сажай. На помол либо на корм скотине. Но следующие уже не сажай. Снова бери старые сорта и снова их скрещивай. Полдюжины, говоришь?

– Да. По-моему, должно хватить.

– Ну, так я дам тебе целую дюжину. Полдюжины – всё ж маловато.

Масляно-жёлтый свет фонаря озарил снопы сухих початков под потолком.

– Весьма, весьма великодушно с твоей стороны.

Муж хозяйки отделил от снопа початок.

– Вот один сорт. Видишь, какая чёрная?

– Вижу. Мне вначале подумалось, что она только кажется чёрной из-за темноты, а она вправду чёрная, верно?

– Бери, выковыривай шесть зёрен. Больше – ни-ни: семена у меня на счету.

Початок оказался мелким, колючим, и семена тоже мелкими, однако гладкими и твёрдыми. Потерев его ладонью, он отковырнул от кочерыжки ровно шесть зёрнышек и вернул чёрный початок мужу хозяйки.

– Теперь сюда гляди, – продолжил тот.

Второй початок оказался слегка крупней и гораздо светлее.

– Это другой сорт. Красная с белым, видишь?

Он кивнул.

– Красные зёрна, белые – всё одно. Какой цвет ни выберешь.

– Понимаю.

– Хочешь, возьми по три красных и белых. Чтоб на сердце было спокойнее. Так-то от цвета ничего не зависит.

– Хорошо. Так и сделаю, для пушей надёжности.

– Пойдём дальше. Соберёшься скрещивать, высаживай на одном холме. Ни на корм, ни на помол не пускай. Сажай. Кукуруза получится жёлтой либо белой. Ни красной, ни чёрной не жди.

Он кивнул, с трудом подцепляя ногтем первое зёрнышко.

– Посадишь её – на будущий год замечательный урожай даст.

– Благодарю тебя. Теперь остаётся только молиться о том, чтоб благополучно доставить подаренные тобой семена на Синий.

– Это уж сам смотри. А штука вот в чём: не забывай каждый год выращивать малость чёрной и малость красной с белым отдельно. Подальше одну от другой, а от всей прочей кукурузы – тем более. На будущий год сможешь вырастить новые семена для следующего посева.

– Понимаю.

Поднеся ладонь к лучу фонаря, он увидел в смешавшихся зёрнышках обильные зелёные поля, холёных коней белой и вороной масти, стада тучных рыжих коров.

Муж хозяйки вернул початок на место.

– Теперь выходим.

– Идём!

Бережно спрятав дюжину кукурузных зёрнышек в карман, он помог мужу хозяйки затворить широкие двери.

– В тёмные дни волки совсем рядом шастают, – непринуждённо, по-свойски сообщил ему муж хозяйки. – Овец наших режут почём зря. Всего ничего осталось.

– Весьма прискорбно слышать, – посочувствовал он, ничуть не кривя душой.

– Двух псов завёл, чтоб стерегли их. Добрые псы. Волков рядом почуют – такой хай поднимают, а нынче их что-то не слышно. Да ещё Шёлк этот...

Подобной перемены разговора он вовсе не ожидал.

– Да. Да... Шёлк!

– Он у них, в городе, главным был.

– Да, верно. Кальдом.

– Наши-то, местные, на него не в обиде. К примеру, я через него разжился, ни много ни мало, пулевым ружьём. Сколько лет прошло, а до сих пор цело. И три патрона к нему в запасе лежат. Однако Шёлка там больше нет. Прогнали его городские.

– Вот оно как... А не знаешь ли ты, куда он ушёл? Будь добр... для меня это крайне важно.

Муж хозяйки опустил фонарь наземь, между ним и самим собой.

– Не-а, не знаю. Он долго там главным был. Жену завёл, красавицу из красавиц... я сам не видел, но слышал.

– Да, это верно. Красива она была изумительно.

– И ещё шлюхой, по слухам, была. Ты потому его и разыскиваешь? Из-за неё?

– Нет, мне нужен он сам. Нужно, повторюсь, увезти его к нам, в Новый Вирон, и Гиацинт тоже, если она согласится. Может, ты хоть примерно себе представляешь, где они могут быть?

Муж хозяйки решительно покачал головой.

– Что ж, ладно. Уверен, ты бы не стал скрывать, если б знал. Вы с женой были крайне добры ко мне... не могу ли я как-либо отплатить вам добром за добро? Может, по хозяйству чем-то помочь?

Муж хозяйки, не ответив ни слова, расставил ноги чуть шире, перехватил увесистый посох за середину и красноречиво пристукнул внушительным набалдашником по широкой мозолистой левой ладони. Из окна кухни, дразня обоих, повеяло ароматами кофе и жарящегося бекона.

– Хочешь, чтоб я ушёл?

Муж хозяйки кивнул.

– Иди. Иди своей дорогой, старик, либо дерись. У тебя палка, у меня палка, вот я тебе и говорю... Ну что? Уйдёшь по-хорошему?

– Разумеется, – подтвердил он, перехватив подобранную минувшей ночью сухую ветку за концы и слегка согнув её посередине. – Разумеется, я не стану затевать с тобой драк: ведь это оказалось бы верхом неблагодарности, да и уйти я уже предлагал не раз и не два... а если уж уходить, так предпочёл бы уйти без ссоры.

– Тогда проваливай!

– Вот как... В таком случае скажу ещё кое-что. Вот с этим я вполне мог бы и одолеть тебя, и после задать тебе трёпку, если б того пожелал. Не стану, конечно... но мог бы вполне.

Муж хозяйки неторопливо, с расчётом шагнул к нему.

– Сломается она сразу же, а ты куда старше меня.

– Да, очевидно, старше. Однако эта палка в моих руках не сломается ни за что, а если ты полагаешь, что разница в возрасте станет для меня неодолимой помехой, угрожать мне с твоей стороны – просто низость. Изрядная низость.

Выждав полминуты с небольшим, он сделал шаг назад.

– Будь добр, поблагодари от меня супругу за доброту, проявленную к незнакомцу в беде. И сам прими мою благодарность. И, будь любезен, скажи жене, что я ушёл по собственному почину, не желая истощать ваши скудные запасы провизии.

С этими словами он развернулся и двинулся прочь.

После он, пожалуй, сам не смог бы сказать, услышал ли за спиной шорох или попросту знал, что без удара не обойдётся. Так ли, иначе, он вовремя качнулся вправо. Увесистое шишковатое навершие посоха, свистнув над ухом, оцарапало плечо и прошлось по колену сбоку. Как только оно коснулось земли возле левой ступни, он наступил на оружие противника, ткнул мужа хозяйки в лицо окровавленной веткой и отшвырнул её в сторону. Ещё полсекунды, и посох с увесистым набалдашником оказался в его руках. Быстрый, точный удар уложил мужа хозяйки наземь. Второй удар погасил фонарь.

Уходя, он оглянулся на освещённые окна покинутого крестьянского дома... но всего раз.

– Упражнения! Без них никуда! – воскликнул старик куда старше его самого, незваным-непрошеным выскочивший из недр памяти. – Ох уж эти случайные стычки! Руку портят! Технику губят!

Небольшая, не слишком опрятная, его бородка побелела от седины, скакал он весьма рискованно, точно вот-вот упадёт, однако колот и рубил с точностью хирурга, орудующего ланцетом и скальпелем, причём несравненно быстрее.

«Не могу я сейчас упражняться, мастер Меченос. Мне этой штуковиной дорогу нащупывать нужно».

Да, именно так старика и звали. Прошептав его имя будто бы про себя, он куда громче, явственнее повторил его в полный голос:

– Меченос... мастер Меченос.

– Шёлк?! Шёлк! – крикнула птица в некотором отдалении.

Скорее всего, в знакомое имя её хриплый крик превратился волею случая либо, что ещё вероятнее, его собственных мыслей.

– Да, – вслух согласился он. – Шёлк. Патера Шёлк. И старый патера Щука... сколько ему было? Очевидно, не меньше восьмидесяти. А также сибиллы – майтера Роза, майтера Мрамор, генералиссима Мята...

Круговорот перевернулся вверх дном, и вокруг неожиданно, в один миг, возникли патера Кетцаль, патера Росомаха, патера Наковальня, и Чистик с Синелью, и Молот, и Мукор, и Улит, и красавица Гиацинт, и многие дюжины прочих. И беготня, и стрельба под началом майтеры Мята, по-прежнему в чёрном бумазейном облачении сибиллы, с азотом и иглострелом в обширных боковых карманах, где обычно хранился мел...

И Цингибер, потерявшая руку, и отсечённая кисть майтеры Мрамор...

– Просто голова кругом, – признался он вслух.

Человеческий голос, пусть даже собственный, успокаивал, утешал. Голая, сплошь в рытвинах, земля под ногами – по-видимому, дорога, дорога невесть куда...

– Совсем как с той первой книгой, которую Крапива пыталась сшить. Нить порвалась, страницы повыпадали... Теперь-то их нет, нет никого, кроме нас с Крапивой. Да, и майтеры с Мукор там, на скале среди моря, и Мозга, и ещё нескольких. Бывшие однокашники. Братья с сёстрами...

Лытка, Язык и Сало требовали от него помощи, причём очень, очень существенной, а мать стыдила его, уговаривала помочь, когда им с Крапивой буквально нечего было есть. Как он старался забыть, как силился выкинуть эти горькие воспоминания из головы!

– Упражнения! Упражнения прежде всего! – вскричал мастер Меченос посреди Синего зала.

«Как же мне стать добрым фехтовальщиком, сударь? Ведь упражняться-то не с кем».

Старик тут же сунул ему в руку выхваченную из ножен рапиру. Затем старческая, сплошь во вздувшихся жилах (но до сих пор поразительно сильная, крепкая) рука Меченоса толкнула его к ростовому зеркалу.

– Видишь его? С ним и бейся! Как только можешь! Всё, что умеешь, до крохи! Укол! В защиту! Парируй! Гарда, отрок! О гарде не забывай! Как думаешь, выйдет толк?

Ответил-то он «да», однако подумал «нет». Остановившись, он принялся атаковать, рубя лёгким концом шишковатого посоха – справа налево, слева направо, сверху вниз, снизу вверх – и тут же парируя каждый удар.

– Неплохо, неплохо, – пробормотал он. – Куда лучше, чем там, на Зелёном, пусть даже с этой палкой вместо меча.

– Р-резать – нет! – хрипло посоветовали с высоты.

Вздвогнув от неожиданности, он прекратил упражнения, и на плечо его стремительно приземлился некто – крупный, однако довольно лёгкий.

– Птичка... тут!

– Орев? Ты ли это?

– Шёлк... Хор-роший!

– Не может быть! Клянусь всеми четырьмя глазами Пресветлого Паса, жаль, я тебя не вижу!

– Птичка – видеть.

– Знаю, знаю, но мне-то от этого толку мало. Ну, разве что кто-нибудь, затаившись у дороги, ждёт нас в засаде, как заключённые – Чистика. Нет ли впереди кого-либо в этом роде?

– Нет... нет.

– Людей с оружием? Или, скажем, волков?

– Человек – нет. Волк – нет.

Тут ему вспомнилось незнакомое слово, услышанное от мужа хозяйки.

– А как насчёт «боженят», Орев? Их ты где-нибудь рядом не видишь?

Птица, захлопав крыльями, встревоженно щёлкнула клювом.

– Стало быть, видишь. Наверняка. Где они? Близко?

– Близко – нет.

– Будь у меня хоть какая-нибудь надежда вытянуть из тебя вразумительный ответ, непременно спросил бы, кто они таковы и что собой представляют...

– Говор-рять – нет.

– То есть? Не хочешь ли ты сказать, что разговоры о них – к несчастью?

Хриплое карканье.

– Ладно, считаю ответ за «да», и совету твоему непременно последую – по крайней мере, до времени. Скажи, ты вправду Орев? Тот самый Орев, принадлежавший патере Шёлку?

– Птичка... Хор-роший!

– По меньшей мере разговариваешь ты действительно хорошо, совсем как Орев. Не он ли тебя и выучил? Помнится, давным-давно мне рассказывали, что любая из вас, ночных клушиц, разузнав новое слово, учит ему всех остальных.

– Человек... идти.

– Сюда, к нам?

Сощурившись, он устремил взгляд в темноту, но с тем же успехом мог бы вглядываться в бочонок смолы. Тогда он, вспомнив слова мужа хозяйки о пулевом ружье с тремя сбережёнными патронами, оглянулся назад, однако тьма позади оказалась в той же степени непроглядной.

Вздохнув, он вновь развернулся на месте.

– Послушай, Орев, теперь я хотел бы продолжить путь в ту же сторону, куда шёл, пока не обернулся. Скажи, верно ли я выбрал курс?

С этими словами он постучал посохом о землю у собственных ног.

– Хор-рошо! Хор-рошо!

– Нет ли, случайно, впереди ямы? Или, к примеру, дерева, о которое я вот-вот стукнусь лбом?

– Дорога... идти.

– Значит, пойду и я.

Уверенно двинувшись вперёд, он начал рубить и колоть на ходу... но что это? Отчего, каким образом кончик рассекающего воздух посоха по-прежнему постукивает об укатанную землю?

– Эгей! – остановившись, крикнул он.

– Услыхал меня, стал-быть? – отозвались откуда-то спереди.

– Да. Да. Стук твоей палки услышал.

Мерное постукивание впереди возобновилось, однако нового отклика не последовало.

– Орев, ты его видишь? – вполголоса спросил он.

– Птичка – видеть.

– Да-да, вот так. Отвечай тише. Этот человек там один? Больше с ним никого?

– Человек. Большой. Люди – нет.

– Есть при нём пулевое ружьё или ещё что-нибудь в этом роде?

– Видеть – нет.

– Не-е, ничо такого при мне нету, – откликнулся издалека, но на сей раз прозвучав несколько ближе, всё тот же хриплый бас. – И у тя, браток, тоже.

– Да, верно, – подтвердил он.

В темноте негромко звякнул металл.

– Что это? – насторожился он.

– А ухо-то у ты востро.

– Не жалуюсь.

– А с гляделками как дела, браток?

Судя по голосу, незнакомец подошёл ещё ближе.

– Ты о глазах?

– Человек... большой, – пробормотал Орев. – Остер-регись.

– Ха! Не, не боись, не обижу.

Хрипота и резкость приближавшегося голоса наводили на мысли о ещё одной ночной клушице, скачущей вдоль дороги, а басовитость – о её громадном, не меньше человеческого, росте.

– По-моему, я только что слышал нечто, весьма похожее на дребезжанье антабок пулевого ружья.

Во мраке вновь негромко лязгнул металл.

– А счас, браток?

– Да, и сейчас, – подтвердил он. – Что это?

– Дык как у ты с гляделками, браток?

– Ты о зрении? Зрение у меня неплохое... вот разве что для чтения, может быть, слабовато, – добавил он, вспомнив о найденных в собственном кармане очках.

– Для чтения, гришь? Ты, стал-быть, читать умеешь? – Басовитый смешок прозвучал совсем рядом. – Только сквозняк ихний, вишь, нам свечку-то задул!

«Сквозняк» в устах незнакомца отчего-то оказался весьма похожим на «слизняк».

– Насколько я понимаю, ты не из Вирона?

– Не-е... скажем так, ваще ниоткудова.

Смешку незнакомца вновь вторил всё тот же негромкий лязг.

– Кажется, на сей раз я узнаю этот звук. Клинок меча в бронзовых ножнах, верно?

– В само яблочко, браток.

Пальцев коснулось нечто из жёсткой кожи, и он вновь вспомнил о Меченосе, сунувшем ему в руки меч, хотя ладонь, стиснувшая плечо, оказалась куда как больше, шире, чем у мастера Меченоса.

– Пощупать хошь?

– Да, с твоего позволения. Из ножен вынуть можно?

Ощупью отыскав горловину ножен, он обнаружил, что горловина также, подобно простейшей гарде и рукояти, обтянута жёсткой кожей.

– Так ты чо, браток, разглядеть его уже можешь, а?

– Нет. Зато смогу... в руке смогу взвесить, без ножен. Хотя нужды в этом нет никакой. Если возражаешь, не стану.

– Ты, браток, не из офицеры ли сам?

– То есть не военный ли? Нет. Нет, ничего подобного.

– А по разговору похож. Лады, вытаскивай.

С шипением извлечённый из ножен, клинок оказался тяжелее шишковатого посоха и почти той же длины. Для пробы взмахнув им накрест в воздухе, он с осторожностью ощупал голомень, а после тщательно вытер металл о рукав рубашки.

– С какого-то мёртвого лопуха снял, – поведал ему обладатель хриплого баса. – Ему-то небось уже ни к чему, а?

– Да уж, а тебе, безусловно, ещё пригодится.

Подавая хозяину вложенное в ножны оружие, он невольно коснулся чего-то большого и твёрдого. Опять кожа, мягкая старая парусина, прохладный металл вроде пряжки поясного ремня... но почему едва ли не на высоте подбородка?

– Ну да, мой это пояс, мой, – пояснил незнакомец, приняв меч, и легонько, вскользь провёл громадными ладонями по его руке. – А циферблат пощупать не хошь?

Орев на его плече опасливо встрепенулся, переступил с лапы на лапу.

– Остер-регись!

– Нет, – заверил он незнакомца. – Разумеется, нет.

– Так эт у тя чо, ворона? Думал, ещё человек. Счас, присяду, а то не дотянешься. Щупай, браток, не стесняйся.

Стиснутая двумя толстыми, жёсткими, точно посох, пальцами и направленная вперёд, его рука коснулась спутанных, жёстких, точно войлок, волос. Ноздри защекотала слабая, но ощутимая вонь скисшего пота.

– Ты носишь бороду, – заметил он. – Я тоже.

Нос незнакомца оказался широким, довольно длинным, скулы – широкими, впалые щёки обрамляла неопрятная косматая грива длиной до плеч.

– Погодь-ка... счас, тряпку сниму.

Пальцы, сжимавшие его руку, на время разжались и вновь сомкнулись на запястье.

– Вот, гляделка моя. Сунь палец.

– Лучше не стоит, – возразил он, однако, не сумев воспротивиться силе, поневоле погрузил два пальца в пустую глазницу.

– И с другой то же самое, чувствуешь?

Рука незнакомца направила его пальцы к другой глазнице.

– Так ты слеп, – сказал он. – Понимаю... понимаю, как это банально, однако очень тебе сочувствую.

– Погодь-ка... счас, только тряпку назад повяжу, – пророкотал незнакомец. – Вот, а теперь и твой циферблат бы пощупать. Сам понимаешь зачем. Ты о моём кой-какое понятие получил?

– Да, – подтвердил он, опасаясь, как бы ему вновь не пришлось ощупывать лицо незнакомца. – Однако должен предупредить, Орев чужих рук не любит. Начнёшь его щупать, скорее всего, улетит.

– Тр-рогать птичка! – возразил ему Орев.

– Его небось за всю жизнь никто ни разу не трогал?

– Тр-рогать птичка!

– Конечно, видал их, уйму видал, пока гляделок-то не лишился... Как его, гришь, по имени? Горев?

– По крайней мере, я зову его Оревом. У моего давнего друга – у того самого, кого я сейчас разыскиваю – была ручная ночная клушица, и звали её именно так. Боюсь, я нарёк эту тем же именем, просто чтоб не придумывать нового. О! К тебе, кажется, полетел, – добавил он, почувствовав, что Орев спорхнул с плеча.

– Ага, на саблюку мою уселся... вот и ладно. Ты, Горев, не молчи, голос подай, ежели вдруг больно будет.

– Больно – нет.

– Ну что ж, – заговорил он, совладав с неожиданным уколом ревности, – Орева я представил, а теперь должен представиться сам. Меня зовут Бивень.

– Бивень, стал-быть... и Горев.

– Да, именно, – подтвердил он, почувствовав, как Орев снова уселся к нему на плечо.

– А скажи, браток, меня самого как звать, по-твоему?

– Тебя?.. Да я же с тобой только что встретился, откуда мне знать?

Постукивание возобновилось.

– Слышь-ка, трепаться и на ходу можно, а? Надо же, Бивень... в жизни такого имени не встречал. И Горева тоже.

– Это имя означает «ворон», – пояснил он, широким шагом двинувшись следом за мерным постукиванием меча незнакомца, – а взято из Хресмологического Писания. Кальд Шёлк, мой друг, о котором я поминал, был авгуром, и...

– Горов... Бивень... Шёлк... это тут, стал-быть, обычные имена? Может, мне Хлопчаткой какой-нить тогда назваться?

– Не стоит: это же женское имя, – охваченный смутной тоской, посоветовал он. – Лучше уж нам звать тебя, как мать называла.

– Выродком, стал-быть? Звала, конечно, и по-другому, однако ж...

– Вот оно как... понятно. Да, тогда ты, вне всяких сомнений, прав: здесь, среди нас, тебе лучше подобрать новое имя.

– Эт-точно.

– Итак, ты спрашивал, насколько обычны в наших краях имена Орев, Бивень и Шёлк. Орев – имя весьма необычное: я лично людей по имени Орев не встречал ни разу. Шёлк – тоже довольно-таки необычное, однако не совсем уж неслыханное... ну а Бивень – вполне расхожее.

– О как!

– Здесь, в Вироне, имена для мужчин принято выбирать из названий животных либо продуктов животного происхождения. К примеру, Шёлк – имя мужское, как и Молоко, поскольку шёлк получают из коконов шелковичных червей: сам по себе на деревьях он не растёт. Аддакс, Альпака, Муравьед – имена самые обыкновенные. Нравятся? Выбирай любое.

– Мне б, надо думать, Волом лучше назваться. Наверное, подойдёт. Или Слоном. Как насчёт этих двух, браток?

– В последнем случае нас с тобой примут за родственников, но я не против, – с улыбкой ответил он.

– А ещё каких-нить имён назови?

– Давай поглядим... У Шёлка был друг по имени Чистик. Чистик – это такая водяная птица, хотя об этом тебе, вероятно, известно и без меня.

– Ну тогда мне, наверное, Филином назваться можно. Слепой, будто филин днём... так ведь оно говорится?

– Да, если хочешь, вполне подойдёт, а совы и филины бывают разные – взять хоть тех же сычей. Так о чём я хотел... Одного из друзей Чистика звали Кошак. От слова «кошка», так что это тоже довольно обычное мужское имя. Кошак, кстати, человеком был рослым, изрядной силы, совсем как ты.

– Свин, – пророкотал незнакомец.

– Имя... хор-рошее!

– Прошу прощения?

– Свин, говорю, моё имя, браток. Горову вон понравилось. Понравилось, Горов, а?

– Свин... нравится!

Свин расхохотался – гулко, басовито, явно вполне довольный.

– Слышал когда-нибудь о слепошарых свиньях, браток?

– По-моему, нет, не слышал, но, наверное, со свиньями такое случается.

– Вот разживусь гляделками, придётся новое имя подыскивать. К примеру, Орёл или Сокол.

– Прости, я не ослышался? Ты вправду ищешь новые глаза? – удивился он.

– Ищу, браток, эт-точно. С чего, по-твоему, Свин из светлых краёв сюда появился? Тут, в этом Вироне, гляделки найдутся, браток? Для меня, а? Вирон этот, так ты назвал?.. Он же ж большущий небось? И поблизости где-то?

– Да, Вирон – большой город, столица, а эта земля, и все фермы, и все деревни на пятьдесят с лишним лиг вокруг принадлежат ему либо находятся под его властью. Однако есть ли в Вироне врач, настолько умелый, чтоб восстановить тебе зрение, мне, честное слово, знать неоткуда. По-моему, когда я был там в последний раз – таковых не имелось, однако с тех пор прошло около двадцати лет, так что...

Казалось, Свин его не услышал.

– Всё... выпивки больше – ни-ни.

– Я и сам пью разве что изредка. Немного вина от случая к случаю... но я вот о чём: это же экстраординарное совпадение! Ты, как сам выразился, ищешь глаза? Так ведь я тоже ищу глаза! Только для...

Свин ухватил его за плечо. Вспугнутый, Орев с возмущённым карканьем взвился ввысь.

– А ты ж говорил, гляделки у ты есть?

Огромные пальцы осторожно, с лёгким нажатием, ощупали его глаза.

– И писаное, говорил, читать можешь.

– Да, случается. Только давненько уже не доводилось.

– А хороши гляделки-то, хороши...

Пальцы незнакомца скользнули по скулам, нащупали уголки рта и кончик подбородка в космах густой бороды.

– Экий циферблатик-то милый, а? Небось девки за тобой, браток, гурьбой бегали? Нравился небось девкам, когда помоложе был?

– Правду сказать, только одной.

Постукивание обтянутых кожей бронзовых ножен возобновилось.

– Ага... кому может, тем не хочется, а кому хочется, уж не может. Грубый брусок – он, браток, любой топор сточит.

– Ты о тяготах жизни? Да, так и есть.

– Вот и гляделки... ты ж, говоришь, тоже гляделки ищешь?

– Да, глаза для хемы. Есть у меня подруга, хема, служившая со мной, когда я был много моложе, а после ослепшая...

– Пряма как старина Свин.

– Да, в точности, вот только она-то – хема. Зовут её майтерой Мрамор, и перед тем, как покинуть Синий, я обещал найти ей новые глаза, если только смогу. А она дала мне с собой один из старых, для образца, только при мне его больше нет.

– Потерял, стал-быть?

– Не совсем. Забрать с собой не сумел. Однако прекрасно помню... вернее, полагаю, будто запомнил, каков он с виду, и очень, очень хотел бы по возможности отыскать пару таких же, исправных, взамен. Понимаешь, майтера была моей наставницей в палестре, учила меня с малолетства... то есть...

– Тр-рёп – нет!

– Не глумись над стариком Свином, Горев. Слышь, браток, ты ж не стал бы для смеху, ради помощи в своих поисках, мне сказки рассказывать, а?

– Разумеется, нет.

– Так и думал. Ты вроде не из таковских. А ещё дружка ищешь, так? Которого Шёлком звать?

– Да, кальда Шёлка. Или патеру Шёлка. Вот его я твёрдо намерен найти и отвезти на Синий. Поклялся, что отвезу, и клятвы нарушать не стану.

– О, вот оно как. А коли тот Шёлк остыл давно?

– То есть умер? Тогда отыщу пару новых глаз для майтеры Мрамор и, если удастся, вернусь домой.

Ответом ему было молчание.

– Свин? Так ведь тебя называть, верно?

– Точно так.

– Скажи, Свин, ты не против, если я ближе к тебе пойду? И если... если порой, на ходу, буду к тебе притрагиваться?

– Ни рожна не видать, да? Ясное дело, притрагивайся скока хошь.

– Да. Да, так и есть. Темнота эта... мрак...

– Мр-рак... любишь!

– Знаю, Орев, знаю. А вот я – нет. В особенности этот. Вот дома – то есть на Синем... Свин, можно я расскажу, как оно там? Разумеется, не с тем, чтоб оскорбить твои чувства... просто, по-моему, мне от этого станет хоть чуточку веселее.

– Синий... он, стал-быть, где-то снаружи?

– Да. Да, так и есть. И там... светит Короткое Солнце. Круглое, золотистое солнце, с течением дня проходящее от края до края неба, а в час затени исчезающее в море. А с ростенью вновь появляющееся из-за гор, взбирающееся в небо, будто человек, карабкающийся на холм из лазоревого стекла. Но прежде чем оно начинает подъём, над круговоротом разносится этакий безмолвный крик...

Добродушный, сердечный смех Свина зарокотал, загремел в темноте, будто дюжина порожних бочек, пущенных кем-то с горки.

– Да, понимаю, глупость сказал, однако ума не приложу, как выразиться иначе. В этот миг весь круговорот, круговорот, называемый среди нас Синим и считающийся нашим, собственным, словно бы приветствует Короткое Солнце буйным радостным воплем... ну вот. Не иначе, опять себя на смех выставил.

Ладонь Свина, вдвое больше его собственной, отыскала его плечо.

– Ничо, браток. Что не шумит, того никто, кроме ты, и не услышит.

Он не ответил ни слова.

– Ну как? Будем товарищами?

– Разумеется. Будем... если ты не против взять в товарищи этакого глупца.

– Скучаешь, стал-быть, по Короткому Солнцу?

– И ещё как! Увидеть бы хоть какой-нибудь свет, хоть огонёк фонаря или свечки – и то на сердце стало бы гораздо, гораздо легче, но солнце... свет дня...

– Эт-точно.

– Должно быть, и ты чувствуешь то же самое. Как я, балда, раньше не сообразил... И если мы встретим кого-нибудь с фонарём, я увижу и свет, и его самого. Да, Свин, даже сейчас, даже в этой ужасной тьме меня не оставляет необычайная благодать! Помолиться мне нужно, Свин! Как жаль, что я не подумал об этом раньше!

Откуда-то издали донёсся волчий вой.

– А эти у вас, в вашем круговороте, есть? – любопытствовал Свин.

– Да, разумеется. И обычные волки наподобие местных, и скверволки – о восьми лапах, куда крупней и опаснее. Однако, Свин...

– Чо? Выкладывай всё как есть.

– Когда-то, давным-давно, в том круговороте, на Синем, жили другие люди – и кое-кто из них, может статься, живёт там по сию пору. На глаза нам они показываются нечасто. Многие вообще не видели их ни разу. Называют их у нас Прежним народом, либо Соседями, и детишкам рассказывают, будто существуют они лишь в преданиях, однако я не раз видел их и даже беседовал с ними... но больше, наверное, уже не увижу, поскольку утратил серебристое колечко с белым камешком, оставшееся там же, где и глаз майтеры Мрамор.

– Ого!

– Но как-то раз, в одной из бесед с Соседями, я спросил, как они называли круговорот, наречённый нами Синим, каким именем его нарекли... и мне ответили: «Наш».

– Плакать – нет!

– Прости, Орев...

Попробовав утереть глаза рукавом, он взял шишковатый посох под мышку и полез в карман за носовым платком. Но тут Свин зацепил локтем его ухо, и он, чуть отодвинувшись вбок, вновь начал, подобно Свину, ощупывать посохом дорогу перед собой.

– Вот были у Свина гляделки, – зарокотал его спутник, – так Свин даже не думал ничего искать... не рассказывал он?

– Нет. Расскажи.

Вспомнив окровавленные обрывки носового платка, выброшенные хозяйкой крестьянского дома в мусорный ящик на кухне, он вновь промокнул глаза рукавом.

(«Нет для нас... мм... постоянного места, а? – заговорил Ремора в глубинах памяти. – Ибо нам, смертным, не принадлежит... э-э... ничто вечное. Ничто сущее, э? Что наше – наше лишь временно, временно, а? А после... мм... другой, третий владелец... понимаешь, Бивень? Чувствуешь логику? В конечном... мм... итоге нет у нас ничего, помимо бессмертных богов»).

– Куча девок, жратва да выпивка, – задумчиво пробормотал где-то неподалёку Свин, в отличие от Реморы, совершенно неразличимый в кромешной тьме. – Сроду ничего больше не искал и думал: это вот и есть жизнь...

– Тр-рёп – нет.

– Брось, Горев, Свин спечёт, а ты склюй!

– Говор-рять – нет. Твар-рь – слышать.

– Никак чуешь рядом кого? Слышь, браток, с чего это он?..

Он уже остановился, прислушался, склонив голову набок и перехватив обеими руками шишковатый посох. Казалось, с тех пор, как он воротился в Круговорот Длинного Солнца, повсюду вокруг царил мёртвый штиль, но в эту минуту щеки коснулось дуновение ветра – жаркого, влажного, зловонного.

– По-моему, нас кто-то подслушивает... или старается подслушать, – прошептал он, надеясь, что Свин его слышит.

– О как!

– Тварь... где она, Орев?

– Птичка – видеть, – пробормотал Орев с его плеча.

– Да, понимаю, но где она? Где?

– Птичка – видеть, – повторил Орев. – Пр-рощай, Шёлк.

Висок защекотали перья расправленных Оревом крыльев. Когтистые лапы напружинились, толкнули в плечо, и Орев, громко захлопав крыльями, взмыл ввысь.

– А ворон-то твой прав, браток, – заметил Свин. – Божок тут где-то, Свин чувствует. Видать, на дороге впереди затаился.

Подбородка коснулось нечто твёрдое. Рука Свина, стиснувшая плечо, казалась огромной, точно отцовская в те времена, когда он был совсем мал, о чём и вспомнил в тот миг с внезапной мучительной остротой.

– Остерегись, браток, тут канава, – хрипло шепнул ему Свин в самое ухо, как только громадная ручища повлекла его в сторону.

Канава оказалась сухой, совсем неглубокой, хотя, не предупреждённый заранее, он вполне мог бы споткнуться и упасть. Почувствовав тыльной стороной ладони лёгкое, нежное прикосновение тонкой ветви, он невероятным усилием воли, вопреки сильнейшему желанию без толку таращиться в непроглядную тьму, окружавшую их со спутником, заставил себя сомкнуть веки.

– Свин? – выдохнул он. – Свин!

Второй оклик прозвучал несколько громче.

– Ась?

– А кто они?

Ответа не последовало, однако огромная рука под тихий шелест листвы повлекла его дальше, в глубину зарослей.

– Орев ответить не пожелал. Что представляют собой эти «боженьята»?

– Да цыц ты, – остановившись, прошипел Свин. – Слушай.

Рука спутника снова увлекла его вперёд, и долгое-долгое (вернее, показавшееся ему действительно долгим) время до ушей его не доносилось ни звука – ну разве что прутик под ногой треснет. Вне всяких сомнений, их окружали деревья либо кусты: нащупывавший дорогу посох нет-нет да наткался на ветку или ствол, а вслед им негромко шелестела, роптала разбуженная Свином листва.

Внезапно шелест сменился переливчатым, мелодичным журчанием, напомнившим языку и губам об изрядной жажде. Подстёгнутый ею, он устремился вперёд, в угольно-чёрный мрак, волоча за собою Свина, и остановился лишь после того, как под подошвами захрустела галька, а вода зажурчала у самых ног. Тогда он упал на колени и, чувствуя, как брючины напиваются благодатной прохладной влагой, нагнулся, ополоснул лицо, попробовал воду на вкус. Холодная, свежая вода показалась ему слаще нектара. Глоток, ещё глоток, ещё...

– Ох-х... хорошо-о-о, – заговорил он. – Я бы сказал, просто...

Широченная ладонь Свина стиснула плечо крепче, и ему сделалось ясно, что Свин уже пьёт, да ещё как – с шумом, с хлюпаньем втягивая и глотая воду.

Напившись, он принялся исследовать ручеек ощупью, осторожно, как можно бережнее – не взбаламутить бы донный ил.

– Совсем неширокий, – прошептал он. – По-моему, перешагнём без труда.

– Эт-точно.

В хриплом, басовитом голосе Свина явственно слышались нотки страха.

– Однако, пока мы здесь, божку, кто б это ни был, нас не услышать. Думаю, не услышать.

Шум воды наверняка заглушит, скроет наши голоса.

Нагнувшись, он поднёс к губам ещё пригоршню воды.

– Совсем недавно я качал воду по просьбе женщины, перевязавшей мне запястья. Прекрасную, по-моему, воду – холодную, чистую, из колодца. Едва не попросил стакан, однако мы собирались поесть, и я рассудил, что не так уж хочу пить... но на деле ни еды, ни питья мне не досталось. Что ж, впредь буду пользоваться любой представившейся возможностью напиться... то есть напиться воды, – добавил он, вспомнив случайно обронённое Свином замечание насчёт выпивки. – Думал, пребывание на Зелёном – там-то пригодную для питья воду найдёшь только в чашах кое-каких листьев, и то только сразу после дождя – меня этому выучило, но вот поди ж ты!

– Птичка – найти, – донёсся сверху голос, превосходящий хрипотой даже голос Свина.

– Орев, ты? Должно быть, да. Что ты такое нашёл?

– Найти... тварь. Тварь – слышать.

– Вот как? Прекрасно. Где же она?

– Показать – нет.

– Орев, мне и не нужно её показывать: я в этой тьме всё равно ничего не разгляжу. Скажи лучше, как её обойти? Идём мы в Вирон – по крайней мере, согласно моим надеждам, уж точно. Где эта тварь... этот «божок»? Стоит на дороге, ждёт нас?

– Стоять – нет. Тварь – сидеть.

– Но где? На дороге или, может быть, рядом?

– На мосту.

– Слышь, Горев, – вмешался Свин, – мы с Бивнем – товарищи, понимаешь? И мы с тобой, Горев, ты да Свин, тоже товарищи, так же ж? Согласен, нет?

– Человек... Хор-роший!

– Не так громко, Орев, – шепнул он и поднёс к губам ещё пригоршню воды.

– Так вот, Горев: Свину надо, чтоб ты сказал, где мы сейчас. Объясни, а? Тут, поперёк ручейка, ещё дорога, верно?

– Дор-рога – нет.

– Ну так лужок, может, выпас? Может, коровы где рядом найдутся, а? Что скажешь?

– Кор-ровы – нет.

– Тьфу ты! – с досадой проворчал Свин. – Слышь, браток, как Свину из него хоть словечко-то вытянуть? Ты ж его знаешь!

– Сказать: лес, – ответил сам Орев.

– Вот мы где, стал-быть? В лесу, Горев, да? Не, вряд ли!

– В лесу, – твёрдо заверил его Орев. – Шёлк сказать.

– Меня зовут Бивнем, Орев, сколько раз повторять? Бивнем. А знаешь, Свин, по-моему, он прав. Мы в лесу. Возможно, возле опушки.

Сделав паузу, он напряг память.

– Когда я жил в Вироне, к северу от города росли обширные леса. И человек по имени Кровь имел там, в лесах, виллу, подобно многим другим богатым. И этот лес вполне может оказаться тем самым.

– Пошарил вокруг, браток. Нету деревьев. Ни до единого не дотянулся, и они до меня не смогли дотянуться... аль, может, не захотели?

– Вне всяких сомнений, эти деревья весьма велики и растут довольно редко.

– Вона как...

В эти два слова хриплый, грубый бас Свина ухитрился вложить целую прорву скепсиса.

– Стал-быть, деревья вокруг большие, а, Горев?

– Большой – нет.

– Стал-быть, растут не близко? Одно тут, другое там?

– Все – р-рядом.

– Выходит, Горев может сказать, где они есть, а где нету. Слышь, браток, не против ты его мне одолжить?

Он поднялся на ноги.

– Предлагаю вместо этого следовать по ручью. Как учит опыт, ручьи нередко куда-нибудь да приводят. Пойдём?

– Птичка – идти. Идти Шёлк, – каркнул Орев, усаживаясь к нему на плечо.

– И Свин тоже, Горев, не сомневайся. Все, оба-два, с Бивнем пойдём.

– Тогда давайте идти молча, раз уж ты о боженьках мне рассказать не хочешь, – предложил он, услышав во мраке, как великан, поднимаясь, хрустнул коленями.

– Да нечего о них рассказывать-то, браток. Подумаешь, большое дело! Их Пас шлёт, чтоб людишек наружу, к вам выгонять.

После этого они какое-то время шли без разговоров. Порой кончик узловатого посоха с плеском уходил в воду, порой кончик обтянутых кожей бронзовых ножен негромко постукивал о ствол либо ветку, но чаще всего тишину нарушал лишь хруст и стук галечника под ногами да негромкие, вполголоса, предостережения Орева.

– Видеть – нет, – наконец объявил он.

– Кого, Орев? Божка? Ты хочешь сказать, что больше не видишь его?

– Видеть – нет, – повторил Орев. – Твар-рь – следить. Не следить.

Голос Орева прозвучал необычайно гулко. Направленный вправо и влево, кончик посоха стукнул о камень.

– Да мы в каком-то подземелье!

– Эт-точно, браток.

На слова Свина мрак также откликнулся негромким эхом.

Сощурившись, он бросил взгляд вдаль, в темноту. Казалось, впереди вправду виднеется обширный полукруг, чёрный, но малость светлее всего остального.

– Здесь подземелья повсюду, ты же знаешь, Свин? Подземные коридоры, лабиринты невообразимой длины и сложности, пронизывающие насквозь весь Круговорот Длинного Солнца.

– О как...

В негромких, гулких отзвуках голоса Свина слышались вполне закономерные сомнения.

– Да, и я сам побывал там в давние-давние времена. До посадочных шлюпок, ждущих часа у самой внешней поверхности, иначе не доберёшься. И первый Орев побывал под землёй тоже, с Чистиком и Синелью.

– Др-рянь дыр-ра! Сквер-рная!

– Вот именно. Однако я всем сердцем надеюсь, что ты не ошибся насчёт божка. Он в самом деле нас здесь не видит?

– Да они так-то зла людям не делают... ну разве что изредка, – пробормотал Свин.

– Возможно, мы и сейчас в тех самых подземельях, а если так, вскоре достигнем зала вроде того, где содержались спящие. Клянусь, там, впереди, что-то виднеется!

С этими словами он, не дожидаясь Свина, поспешил вперёд... и остановился, замер, охваченный ужасом пополам с изумлением.

На юг и на север простирались небесные земли во всей своей красоте – нет, даже величественнее прежнего. На фоне сего величественного зрелища, над мостом, под которым он только что прошёл, возвышались, словно пара холмов, могучие плечи и гладкая куполоподобная голова, способная, целиком заполнив кухню крестьянского дома, где хозяйка перевязывала его раны, растолкать в стороны, обрушить все четыре стены, и, наконец, острые, точно звериные, уши.

III. Закон и порядок

Из Дорпа Нат выслал нам навстречу штурмовиков, и те взяли нас под арест. Похоже, Дорп (как и Сольдо) содержит постоянную орду, только у них она называется «легер». Сейчас с нами три рядовых легермана и сержант. Сержанту я вручил две серебряные карточки, после чего он, хотя и не отпустил нас, начал относиться к нам куда дружелюбнее. Вдобавок я же плачу за комнаты на постоялом дворе: в одной предстоит ночевать нам с сержантом и одним из легерманов, а другая предназначена для Джали со Шкурой и двумя прочими легерманами.

Ужин! Ванна! Сержанту (зовут его, кстати, Азейин) выданы средства на пропитание, но я посоветовал ему приберечь деньги, по крайней мере до завтра. И, кроме того, пригласил его с подчинёнными при желании разделить с нами ужин. Вино и блюда, поданные на стол, пришлось нам со Шкурой весьма по вкусу.

Похоже, Нат в Дорпе – особа довольно-таки важная. Весьма вероятно, нас оштрафуют и сверх того приговорят к порке. Намеркал дочери, что ей, пожалуй, лучше бы скрыться, но поняла ли она намёки, наверняка сказать не могу. Если и поняла, вполне может не согласиться, а если попробует бежать сейчас, её, возможно, пристрелят.

Ничего, если её начнут раздевать, я сидеть сложа руки не стану, что бы там ни решил местный дорпский судья.

* * *

Пока я писал, она заглянула к нам с просьбой пожарче растопить очаг в её комнате. Содержатель постоялого двора заартачился, требуя отдельной платы за дрова сверх отпущенных, и мы принялись было торговаться по поводу суммы. Наконец сержант Азейин велел хозяйину обеспечить дрова, обругал его и толкнул в угол, добившаяся своего Джали ушла вполне удовлетворённой, а я, минуту назад взглянув на неё, отметил, что её внешность изрядно убедительнее прежнего.

Во время нашего спора содержатель постоялого двора объявил, что берёт дополнительную плату за прибавку дров «всегда». Я спросил, давно ли он держит здесь постоянный двор, и он с гордостью ответил:

– Да уж шесть год как!

Подумать только... Живём мы здесь – всего ничего: кое-кто ещё не износил одежды, привезённой сюда из другого, прежнего, круговорота, однако все и разговаривают, и ведут себя так, будто сей круговорот принадлежит нам с незапамятных времён. Некогда я расплакался, рассказав Свину об ответе Соседей. Должно быть, он принял меня за умалишённого, но нет, я всего лишь жутко устал, ослаб, да и гнетущая непроглядная тьма, а главное – печаль, переполнявшая сердце, тоже взяли своё. Признаться, печаль та не оставляет меня поныне, и лучшее средство справиться с нею – занять себя делом.

По счастью, писать Азейин не запрещает, отчего мне неизмеримо легче. Вначале я беспокоился, как бы он не прочёл всего этого, однако читать сержант не обучен, в чём сам признался, и, кажется, не солгал. По-моему, собственной безграмотности он изрядно стесняется, посему я заверил его, что освоить грамоту вовсе не сложно, а далее предложил преподавать ему пару уроков, выводя крупные буквы на той самой бумаге, забранной у разбойников и пущенной на продолжение сей повести.

Раненый разбойник, впоследствии высосанный Джали, сказал: забирайте, дескать, всё, что хотите, только не убивайте, и я опрометчиво пообещал пощадить его жизнь. До сих пор вижу его, будто воочию – и тонкие губы под тонкими усиками, и страх в огромных тёмных

глазах... Джали говорила, будто прежде ей убивать кого-либо не доводилось, но я-то знаю, что это ложь. Скольких ей довелось погубить во время войны с ханьцами? А впрочем... Да, мы льстим себе, кичимся страхом перед ними, но сами-то, по большому счёту, намного ли лучше?

Перечитал написанное выше и ужаснулся собственной откровенности. Что, если всё это прочтёт дорпский судья? Конечно, уничтожить эту писанину – дело недолгое (возможно, так и следует поступить), но как быть с другими двумя повестями? Сколько трудов в них вложено в надежде, что Крапива однажды прочтёт их хоть вскользь, – страшно подумать, и ведь надежда ещё не потеряна. Спрятать их нужно, вот что. Спрятать как можно надёжнее.

Сделал что мог, но лучше всего устроить так, чтоб в наши пожитки не сунул носа никто. Надо бы расспросить сержанта насчёт местного порядка судопроизводства и его людей тоже: вполне возможно, они смыслят во всём этом куда больше либо охотнее возьмутся меня просвещать. Жаль, имён их никак не припомню, хоть болтал с ними нынче за ужином.

Перед сном нужно отметить здесь весьма примечательный факт: я вымылся – вымылся, к безмерной собственной радости и к вящей радости тех, кому случается подходить ко мне близко. На Ящерице мы летом мылись в море либо в мельничной запруде, а зимой – совсем как я здесь, после ужина, грея воду в медном котле над огнём и дочиста оттираясь намыленной ветошью.

В Вироне, ещё мальчишкой, я привык мыться в ванне, посудине наподобие корыта для стирки, только длинней. Такие ванны имелись почти у всех: кто победнее, обходились деревянными, а более-менее зажиточные, вроде нас с матерью, могли позволить себе железные, покрытые изнутри эмалью. Ну а в гостинице «У Горностая», и во Дворце Кальда, и, полагаю, в домах всех богачей вообще не жили в каменных, считавшихся верхом роскоши. Ими мне тоже доводилось пользоваться, однако купаться в мельничном пруду, на мой вкус, куда как лучше. Приятнее. Вот отложу перо – непременно помолюсь часок перед сном, и, кабы Иносущий облагодетельствовал меня исполнением любых желаний, я всю оставшуюся жизнь мылся бы только в пруду при нашей мельнице, причём всякий раз, когда мне угодно будет помыться, в наших краях, пусть ненадолго, наступало бы лето.

* * *

Орев вернулся! Знаю, круговороты, начертанные между этим абзацем и предыдущим, наводят на мысль, будто с тех пор, как я в последний раз брался за перо, прошла по меньшей мере неделя. Нет, миновала с тех пор всего одна ночь, но сколько всякого случилось за это время! Одних новостей вполне достаточно для целой недели, не говоря уж о снах, и сейчас я постараюсь рассказать обо всём по порядку.

Вначале я попросил принести ещё дров – из любопытства, дабы проверить, отважится ли содержатель постоянного двора после того, что произошло между ним с Азейином, потребовать дополнительной платы. В итоге дрова я получил, о дополнительной плате хозяин даже не заикнулся, а в комнате сделалось так жарко, что мне пришлось просить вернувшегося сержанта отворить окно. Едва он распахнул раму, замёрзшая, усталая, а главное, изрядно проголодавшаяся ночная клушица чудом не врезалась с лёту ему прямо в лицо. Разумеется, ночной клушицей оказался Орев, принёсший мне в подарок перстень, украшенный причудливым чёрным самоцветом, и вскоре я, буде мне не помешают, опишу этот перстень подробнее.

Ну а чуть выше я рассказал, как Орев, ворвавшись в комнату, едва не зашиб сержанта. Полагаю, он уже давненько стучал клювом в ставни, но я не слышал стука за треском огня в очаге. Должен добавить, что снаружи мела нешуточная метель: буйный западный ветер со свистом гнал на восток мириады крохотных снежных хлопьев.

– Помоги Сцилла этим, кто в море, – вздохнул Азейин.

Для Орева на кухне нашлась превосходная свежая рыба, а ещё я велел принести ему чашку чистой воды. Насытившись, он упорхнул в угол у дымохода, устроился на деревянной укосине и с тех пор даже не шевельнулся. Азейин с легерманом Влюгом, изрядно ошарашенные, завалили меня такой кучей вопросов, что ответить на все я, естественно, не сумел. Ожидая, что они потребуют отдать перстень, я предложил им сохранить его до тех пор, пока мы не доберёмся до Дорпа, с тем, чтобы там, объяснив судье, при каких обстоятельствах обзавёлся им, попросить о его возвращении. Перстень они осмотрели с нешуточным любопытством, однако желания взять его на сохранение не проявили.

Для моих пальцев он великоват, и посему вначале я спрятал его в карман, рассчитывая, когда выпадет случай, без спешки покопаться в имеющихся при мне украшениях, подыскать для него подходящую цепочку, чтобы носить на шее, однако после, из боязни потерять его, рассудил иначе. Пищу сейчас, а он поблёскивает на левой руке, пришедшийся как раз впору для большого пальца.

Чёрный камешек украшает резьба. Подошёл с ним к окну и, хотя день нынче хмур, сумел разглядеть вырезанные на камешке линии – возможно, изображение, а может, и надпись. Возможно, этот перстень должен служить печатью, а если так, чтоб разобрать написанное, её нужно всего лишь оттиснуть на воске либо сургуче.

Какое-то время я рассказывал об Ореве, объясняя, что он ручной, на свой манер, художбно владеет речью и нередко улетает куда-то по своим делам. Прежде чем мне удалось лечь, пришлось также рассказать немного о Шёлке и изначальном, настоящем Ореве, прибавив, что тот, на мой взгляд, давным-давно умер.

– На это ты не рассчитывать, мессир, – возразил Азейин. – Моя двоюродная бабка держать попугай старше её, а ей, когда мы идти на шлюпка, быть девяносто один. Прот тот попугай часто мать мне рассказывать.

Выходит, этот Орев вполне может быть тем самым, принадлежавшим Шёлку? Мысль сия столь интересна, что я даже рад невозможности убедиться, верна она или нет. Как я разочаровался, как расстроился бы, выяснив, что это неправда!

Затем я отправился спать, и сержант с Влюгом – тоже. Могу лишь догадываться, долго ли мне удалось проспать, пока меня не разбудила мягкая ладошка, коснувшаяся лба... видимо, всего-то около часа.

– У нас огонь гаснет, раджан, – заговорила Джали, едва я открыл глаза. – В комнате всё холоднее и холоднее. Нельзя ли мне лечь к тебе, погреться хотя бы минутку? Забираться под одеяло к Шкуре я не осмелилась: он крепко спал, а проснувшись, чего доброго, убил бы меня на месте, ну а штурмовики... сам понимаешь, не лезть же мне в постель к ним! Однако я жутко замёрзла и всерьёз опасаясь замёрзнуть насмерть. Будь добр, раджан, умоляю... речь ведь о жизни и смерти!

Уступив её просьбам, я пережил нечто экстраординарное ещё до того, как нас перенесло на Зелёный. Стоило ей улечься, я обнял её так, чтобы согреть животом её спину, и словно бы обнял настоящую женщину, несколько стройнее Крапивы, не столь пышную и соблазнительную, как Гиацинт, но, вне всяких сомнений, женщину юную, привлекательную, нежную, чисто вымытую, даже надушенную.

Пробовал припомнить, каково это было – спать рядом с Фавой в холмах, среди заснеженных валунов, прекрасно понимая, что она вовсе не та, кем притворяется, что в действительности я обнимаю рептилию, способную менять облик таким же образом, как мелкие ящерицы, водившиеся в гуще бурачника под окном моей спальни и в кустах жимолости вдоль ограды,

меняли цвет кожи, что моё положение немногим отличается от положения заклинателя змей, ночующего в канаве с ядовитой змеей, свернувшейся кольцами на груди, под рубашкой.

Проснувшись, я сел, полный решимости одеться, разбудить Джали и велеть ей идти к себе. Однако стоило мне, зевая, потягиваясь, подняться на ноги, наша комната преобразилась, скажу без преувеличения, в небывалой, невероятной степени. Ставни на окне обернулись округлым проёмом, сквозь который виднелось небо невиданной, божественной синевы. Изрезанные ножами брёвна стен заживили шрамы, сделались кладкой из мягкого серого камня. Джали, поднявшись с кровати, закуталась в одно из одеял, однако отнюдь не преминула продемонстрировать мне вполне человеческое тело – стройное, с безукоризненно белой кожей, тонкой талией и полушариями груди, увенчанных розовыми сосками, до которых так и хотелось дотронуться, гладить, ласкать их со всей мыслимой нежностью. Её объятиям я не воспротивился – напротив, сам обнял её, хотя в какой-то паре шагов от нас, в тех же кроватях, что и на постоялом дворе, под теми же грубыми одеялами спали Азейин с Влюгом.

Наконец мы разомкнули объятия, и я спросил, где мы.

– На Зелёном. Видишь, как здесь тепло и как влажен воздух? Будь я такой же, какой ты в последний раз меня видел, чувствовала бы себя просто чудесно, но... но сейчас я такова, как есть.

Сделав паузу, она улыбнулась и даже не подумала поправлять одеяло, слегка соскользнувшее с плеч.

– И всё-таки чувствую себя просто чудесно! Тепло, влага... какой восторг!

Тут Азейин, приподняв веки, моргнул, в явном изумлении огляделся вокруг, но затем снова закрыл глаза и уснул.

Я пересёк комнату, подошёл к окну и выглянул наружу, ожидая увидеть джунгли Зелёного, однако внизу, за окном, простирались во все стороны облака, подобных которым я не видывал с тех самых пор, как Саба спустила нас с борта воздушного корабля, – нет, не гнетуще-чёрные грозовые тучи, месяцы кряду нависавшие над нашими головами на Зелёном, но облака, отливающие перламутром, сияющие в лучах солнца; и море, огромное, чище любых морей, какие когда-либо рассекал киль человеческой лодки; и новый круговорот, куда прекраснее, непокорнее Синего!

Упиваясь сим зрелищем, я высунулся за окно как можно дальше, а после взобрался на серый каменный подоконник, ухватился одной рукой за внутренний край проёма, взглянул вперёд, вниз, огляделся по сторонам.

Находились мы в одной из комнат изящной высокой башни, возведённой в нише, на уступе исполинской тёмно-красной скалы. Поднимавшийся кверху бесконечной стеной цвета запекшейся крови, растрескавшийся, источенный ветрами обрыв терялся в великолепии неба, а справа и слева тянулся вдаль, насколько хватало глаз. Уходящая вниз башня превосходила высотой любые самые высокие здания, какие мне только доводилось видеть в любом из трёх круговоротов. От такой высоты захватывало дух, холодело в желудке, и я, зажмурившись, спустился назад, в комнату, где проснулся рядом с Джали... но всё же успел разглядеть и могучее основание башни, и обрыв под уступом, уходящий в бурное море облаков, отвесный, почерневший от влаги, а кое-где испятнанный кляксами ярчайшей зелени.

– Мне так хотелось снова стать настоящей женщиной, – вполголоса призналась Джали. – Настоящей женщиной – для тебя, для Шкуры, для всякого, кому захочется, чтоб я была той, кто есть... той, кто я такова на самом деле. Оттого и присоединилась к вам... хотя это ты, наверное, понял сразу.

– Да, и должен был прогнать тебя прочь, но в таком случае разбойники прикончили бы нас обоих.

– И ты это предвидел?

Я отрицательно покачал головой.

– Наши тела спят на том убогом постоялом дворе, в дебрях вашего стылого круговорота. Умри я там... Знаешь, я случайно подслушала ваш с сыном разговор о другой женщине вроде меня, той, с которой он видится во сне. Да, её он боится, но меня-то ему бояться незачем.

– Неужто ты хочешь, чтоб я лишил тебя жизни? Так я не могу. Моё тело тоже спит, как и твоё собственное. Ну а если покончить с тобою здесь – сама знаешь, что из этого выйдет. Вспомни дюко Ригольо.

Джали, подойдя к окну, в свою очередь взобралась на подоконник и выпрямилась во весь рост. Поднявшийся ветер всколыхнул, вздул пузырьём её одеяло, растрепал тёмно-рыжие волосы.

– Могла бы остаться такой навсегда, прыгнула бы непременно, – проговорила она, устремив взгляд в небо.

– Пока не прыгнула, будь добра, ответь на вопрос. Ты была добрым другом нам с сыном, и мне крайне неловко снова просить тебя об одолжении, однако от любопытства никуда не денешься... и, кроме того, ответ может многое значить.

Джали, сойдя с подоконника, повернулась ко мне.

– Мы побывали и во всевозможных уголках Зелёного, и в Круговороте Красного Солнца, вплоть до того самого места, где некогда стоял дом дюко.

– Да, верно.

Глаза её, ставшие ярко-голубыми, казались просверленными в черепае дырочками, сквозь которые видны небеса за окном, и я невольно задался вопросом, не умеет ли она выбирать цвет глаз по желанию, или, может, они исполнились небесной лазури, напившись самого неба.

– Чаше всего меня заносило туда, где я уже побывал, а улица среди развалин города под названием Несс, определённо, оказалась той самой, на которой давным-давно жил Ригольо. Однако Азейину либо Влюгу вряд ли когда-нибудь доводилось бывать на Зелёном, я эту странную башню на исполинском утёсе вижу впервые в жизни... а ты?

Джали без единого слова кивнула, и я спросил, когда она успела здесь побывать.

– В ранней юности. Когда только-только выучилась летать. До того как решила поохотиться на вашем студёном, негостеприимном Синем.

– То есть перед тем как прилететь к нам впервые?

Джали оставила вопрос без ответа.

– Я знать не знала, сумею ли выдержать Перелёт. Рассказов о нём все мы слышали множество. Сколько он требует силы, сколько выносливости... Не хватит сил, окажешься слаб в полёте – ничего не выйдет, рухнешь вниз, на Зелёный. Не хватит выносливости... – Вздохнув, она пожала плечами. – Не хватит выносливости, до Синего доберётся только твой очоченевший труп. Не сомневаюсь, ты много раз видел их: порой они рассекают небо над Синим такими крохотными, тонкими огненными штрихами. Я лично видела...

Я кивнул.

– Так вот: штришок огня, летучая искорка – и тебя больше нет. Однако мне всё равно хотелось попробовать. Как всем, хотя некоторым этого хочется куда сильнее, чем прочим, а многие так и не решаются испытать судьбу. Если мы что-то и получаем от вас, так это стремление походить на вас всё больше и больше, пока не уподобимся вам, людям, не очеловечимся, насколько возможно.

– Да, нам сии чувства знакомы тоже, – сообщил я, – хотя они далеко не всегда в должной мере сильны.

– Вот я и гадала, сумею ли долететь, хватит ли мне храбрости попробовать... Летала ещё не слишком-то хорошо, не слишком-то быстро и понимала, что упражняться предстоит долго, иначе Зелёного не покинуть... и вот как-то раз тучи слегка расступились. Ты сам, говоришь, жил на Зелёном, а стало быть, должен знать: такое порой случается.

Я вновь кивнул.

– С неба к земле хлынул яркий, жгучий свет солнца, но я не зажмурила глаз, глядя вверх, увидела вот эту серую чётточку на фоне обрыва, решила однажды непременно слетать туда и посмотреть, что это. Подумала: смогу долететь туда, сумею и совершить Перелёт.

– И, очевидно, справилась с сей задачей.

– Да. Упражнялась не один год и, случалось, не могла даже подняться над облаками. Ветры на такой высоте очень уж сильны, а воздух слишком разрежен.

– А на мой взгляд, он куда лучше, чем тот, напитанный влагой, у самой земли, – набрав полную грудь горного воздуха, возразил я.

– Да, чего и следовало ожидать. Ты, кажется, ждёшь конца истории? Так она кончена. Однажды мне удалось взлететь сюда. К тому времени я поняла, что ещё многому должна научиться, стать гораздо сильнее, прежде чем отправиться в Перелёт, однако почувствовала: большая часть пути пройдена, и ничуть не ошиблась. В те времена это окно закрывал проржавевший металлический люк. Я сорвала его, сбросила вниз. А после, осмотрев все комнаты на всех этажах, решила навести в этой порядок и устроить тут местечко только для себя самой, собственную комнату в собственной башне высоко в небесах. С прежних времён тут остались и кости, и ещё кое-что, но я выкинула всё это за окно, а пол подмела руками. Навела чистоту и решила: вот завершу Обратный Перелёт – непременно вернусь сюда, просто так, посидеть час-другой, поразмыслить, кто я такая и что сделала, что совершила для своих детей... однако вернулась только сейчас.

– Что ж, постараюсь оставить тебя здесь, – посулил я, – а наших штурмовиков забрать с собой. Не знаю, возможно ли подобное, однако попробую.

Прикрыв глаза, я принялся собираться с мыслями, начисто вылетевшими из головы вскоре после прибытия.

– Чьи кости ты здесь нашла?

– Сам знаешь. Кости твоих друзей... и говорить об этом тебе, по-моему, не захочется.

Не открывая глаз, я нащупал кровать, которую делил с ней, и сел. В эту минуту меня вновь охватила знакомая, привычная ненависть к Зелёному – к круговороту буйства нечистой жизни, насильственной смерти и всеобщего разложения, и я отверг его, отверг от всего сердца и, смею надеяться, навсегда.

– То есть Соседей? – переспросил я. – Прежних?

Возможно, Джали кивнула.

– По-моему, когда мы истребили их повсюду, во всех прочих краях, они решили закрепиться на вот таких плоскогорьях. И башни эти, должно быть, последний оплот свой, выстроили на утёсах, с подобными окнами, чтобы...

Тут она и исчезла.

Слушая её, я вспоминал собственное тело со всеми его достопамятными шишками, мозолями и изъятиями – вислые щёки в густой бороде, лодыжку, ноющую к дождю и ужасающе ноющую в любую погоду, если приходится подолгу идти... и вдруг с изумлением осознал, что уже не сижу, а лежу на кровати. Тогда я открыл глаза и увидел над собой почерневшие от копоти балки, поддерживавшие крышу постоянного двора на пути к Дорпу.

– Мастер Инканто? Проснулся, так есть?

Узнав Азейина, я полюбопытствовал, кто научил его называть меня этим именем.

– Твой сын, мессир. Где быть он и ты, о мастер Инканто всё говорить есть. Так он сказать. Про сны ты знать? Так он тоже сказать, мессир Бивень.

– Куда меньше, чем он полагает.

Я оторвал голову от подушки и сел, ни на секунду не забывая, что рядом лежит Джали, спящая мёртвым сном.

Тут поднялся и Влюг.

– Ох!... Всеблагий мессир Пас!

Выбравшись из постели, я подошёл к очагу.

– Знаю, что ты, сержант, должно быть, подумал, увидев со мною в постели мою дочь... Могу лишь сказать: ничего подобного между нами не произошло. Дочь всего-навсего испугалась, как часто случается с девушками в чужих, незнакомых местах, и пришла искать ободрения у отца.

Азейин подошёл ко мне и тоже встал у огня. Спал он голышом, и обнажённое тело его оказалось изрядно мускулистым и волосатым.

– Такая вещь я вовсе не думать, мессир. Но сам быть, кто запирает двери. Думать, если б кто снять засов, я бы слышать.

– Мы постарались не разбудить тебя, сержант, и сейчас я предложил бы постараться не разбудить мою дочь.

– Так точно, мессир. Громко я говорить нет.

Тут к нам присоединился Влюг, закутавшийся в одеяло, и Азейин велел ему подыскать для нас какие-нибудь сиденья. Кресел в нашей комнате нет, но он приволок к очагу матрас со своей кровати. Юноша он рослый, лицом чист, вот только с волосами – не рыжими, не золотистыми, но куда ярче и тех и других – ему, прямо скажем, не повезло.

– Думать, сейчас уже утро есть, сержант, – сказал он. – Боров, кто содержать этот двор, мы разбудить?

– Пока нет, – отвечал ему Азейин. – Я хотеть, чтоб мессир Бивень разъяснить сон.

– Я тоже!

– Я, мастер Бивень, всегда в мои сны спать нет, – начал Азейин. – Этот сон, что привидеться нынче в ночь, так нет. Всё как настоящий есть, – пояснил он, постучав о стенку очага. – Совсем настоящий. Совсем не как сон есть.

– Мой так же точно есть! – воскликнул Влюг.

– В этот сон я спать есть, лежать в постель. Ты и твоя дочь спать, как я, нет, а ходить, ходить мимо, говорить, говорить, пока я спать. Я думать: проснуться надо. Что, если вы сбежать? Худо мне быть, когда судья Хамер слышать! Стараться изо всех сил – нет, не проснуться. Глаза открыты. В комнате светло есть, солнце повсюду светить, а моя кровать на стене, как картина, висеть. А я спать в ней, но падать – нет, значит, в порядке всё, так есть. А вокруг никто нет, только я – тоже всё есть в порядке. Только во сне, так есть, старый волшебник, и странная девчонка, его дочь, и мальчишка, который звать его отцом, а я всех стеречь должен. Чтобы сбежать никто – нет.

Сделав паузу, он взглянул на меня с мольбой.

– Никогда раньше такой сон нет, мессир. Ты мне этот сон объяснить?

Влюг хотел было что-то сказать, но Азейин жестом велел ему умолкнуть.

– Мальчик – говорить, – посоветовал Орев из-под потолка.

– По-моему, Орев прав, – сказал я Азейину. – Сон Влюга вполне может пролить свет на смысл твоего, а твой, как нередко случается, прояснить смысл его сновидения. Расскажи, Влюг, и ты о своём сне, пока ничего не забыл.

– Такое я не забыть никогда, мессир Бивень, – начал Влюг. – Никогда! Борода поседеть, я и то вспомнить каждую мелочь.

С этим он ненадолго умолк, распростёрши в стороны руки ладонями книзу, а глаза цвета голубого фарфора вытаращив во всю ширину, однако паузы и интонации рождались в его голове, голове прирождённого сказителя, сами собой, будто песня в горлышке юного дрозда.

– Как мой сержант говорить, всё так есть. Я спать, но спать – нет. А человек и девушка – ходить, ходить туда-сюда. Он мудрый, добрый, но строгий, так есть. Несчастлива, расстроена есть она. Его совета желать, и он дать совет. Не-ет, что он советовать, она сделать – нет. Она убить себя скоро. Совсем скоро.

Тут Влюг вновь ненадолго умолк и повернулся к Азейину.

– Может, это Джали и отец её быть, но почему? А ты мессир, как только рядом, я тоже смотреть. Твоя дочь передо мной стоять. Такая красавица!

Воздавая должное красоте Джали, он высоко поднял белёсые брови. Мой старый друг Инклито на его месте наверняка звучно поцеловал бы сложенные щепотью пальцы.

– Позади неё большой свет быть. И большой ветер. А на ней быть широкий, очень широкий плащ. Чёрный. Развеваться по ветру, – продолжил он, изобразив ладонями, как развевался по ветру плащ. – И волосы тоже, так есть. Длинные. Без такой ветер до колен достать. И тянуться, тянуться ко мне. Чтоб ухватить, как сотня рук Сциллы...

Орев, встревоженно пискнув, захлопал крыльями.

– Ветер ко мне их нести. Вправду они так длинны есть, мессир?

Я отрицательно покачал головой.

– В моём сне – быть.

Прикрыв глаза, Влюг принялся вспоминать увиденное.

– И так красива она есть. Во сне? Так красива... губы, глаза, зубы. Мой дух возгореться. Гневная богиня, вот кто твоя дочь Джали, мессир, во сне быть.

Я спросил, не помнит ли он, во что ещё она была одета, кроме плаща.

– Нет, – отвечал он, покосившись на Азейина, – её платье я помнить нет, мессир. Шляпка – нет тоже... небольшая шапочка, может быть.

– Хор-рошая девочка! – объявил Орев, спорхнув с насеста ко мне на плечо.

– Вправду, Орев? Обычно ты зовёшь её скверной тварью.

– Хор-рошая девочка! – упорно повторил он.

– Ладно. Скажи, легерман Влюг: допустим, её платье ты не запомнил, однако в действительности она была одета?

Влюг вновь, как прежде, покосился на Азейина.

– О да, мессир.

Азейин поднял кверху оттопыренный указательный палец и постучал о него указательным пальцем левой руки.

– Молод он есть, мессир, – пояснил он.

По-моему, самому сержанту вряд ли больше тридцати.

– Шёлк – говор-рить, – не допускающим возражений тоном объявил Орев.

– Полагаю, он хочет сказать, что мне самое время истолковать ваши сны, и, несомненно, прав. Однако некоторые дополнительные размышления, не говоря уж о кофе с беконом, могли бы улучшить, углубить толкование. Не разбудить ли нам моего сына с вашими штурмовиками и не проверить ли, что может предложить сей постоянный двор в рассуждении завтрака, как потвоему? Джали устала, занемогла – не сомневаюсь, это ты видишь сам. С твоего позволения, я перед уходом подброшу в очаг ещё пару полешек и укрою её ещё парочкой одеял. Проснётся, прежде чем завтрак будет готов, пусть присоединяется к нам, а не проснётся – возможно, сон пойдёт ей на пользу.

Одевшись, мы зашли за Шкурой и его охранниками, немедленно подвергнутыми сержантом Азейином разному за то, что проморгали выскользнувшую из комнаты Джали, и отправились вниз. Внизу оказалось темно и тихо, но мы распахнули ставни (причём обнаружили, что ночь выдалась изрядно снежной) и зажгли от угольков, догоравших в очаге общего зала, все свечи, какие нашли. Азейин, вызвавшийся разбудить хозяина с хозяйкой, ушёл, однако вскоре вернулся, потирая кулак и досадливо морщась.

– Хворать оба, так есть сказать. Я думать, может, и правда. Завтрак нам Влюг приготовить. Если испортить их припасы, пускай пенять на себя. Уметь ты стряпать, Влюг?

Влюг клятвенно заверил его, что не умеет.

– Тогда я тебя быть учить. Легерман должен уметь стряпать и стрелять тоже. Звар, Леув, вы присмотреть за лошади. Марш, живо! Когда мы поесть, я проверить.

– А о наших я сам позабочусь, отец, – предложил Шкура. – Сержант, отец мой замечательно стряпает. И в кухне тебе помочь наверняка не откажется, только попроси.

Разумеется, отказываться я не стал. Разогрел пироги с орехами и яблоками, одобрил нашедшийся в кухне сыр (похоже, местные добавляют сыр в любые блюда вообще) и даже ухитрился испечь нечто вроде сладких подовых пирожков, пока на плите жарились колбаски и свиной фарш, смешанный с кукурузной мукой.

– Всё это – добрая еда нет, – объявил Азейин, когда всё было готово. – Добрая еда требовать кухня, как у моя матушка, и сама матушка стряпать. Однако я пробовать стряпню куда хуже, чем на этот постоянный двор. Что такое ты класть в эти пирожки, мессир?

– Мёд с маковым семенем, – пояснил я и предложил Ореву кусочек фарша с кукурузной мукой, чтоб поглядеть, придётся ли это блюдо ему по вкусу.

– И ещё сода. И соль, и мука. Три сорта. Это я видеть. Если ещё один съест, снова безумные сны начинаться нет?

– Мой сон безумный быть нет, – возразил Влюг. – Он лучший быть в моя жизнь и на жизнь походить куда больше, чем это!

С этими словами он подцепил вилкой ещё одну из колбасок: похоже, сам отвечавший за их жарку, Влюг изрядно гордился достигнутым результатом.

– Спать в кровать на стене, когда в спальня нет видно крыши?!

Покачав головой, Азейин положил себе на тарелку ещё порцию квашеной капусты.

«Где?» – взглянув на меня, изобразил Шкура движением губ.

– Итак, вы просили объяснить смысл ваших снов, – начал я, отведав смесь фарша с кукурузной мукой сам. – Конечно, мне не составило бы труда сочинить какую-нибудь небывальщину, как я и замышлял изначально... однако, пока мы спускались сюда, решил, что это нечестно. В чём и признаюсь сам, без принуждения. Вы попросили помочь вам разобраться, что с вами произошло. Я согласился и посему обязан честно исполнить обещанное. Известно ли вам, что в минуту смерти дух расстаётся с телом?

Двое кивнули.

– Чтоб говорить с боги, – добавил Леув.

– Возможно... по крайней мере, в некоторых случаях. Теперь я должен попросить вас – в особенности тебя, сержант Азейин, и тебя, легерман Влюг – принять за данное, что дух способен покидать тело также в другое время и порой пользуется сей способностью.

Я ожидал возражений, но нет, никто не возразил ни словом.

– Позвольте подкрепить эту мысль простым наглядным примером. Допустим, есть у некоего человека дом, где он долгие годы живёт с женой. Живут они оба, и человек этот, и его жена, в счастье и радости. Любят друг друга, и, какие бы невзгоды, какие лишения их ни постигли, они-то вместе, вдвоём. Но вот жена этого человека умирает, и он уходит из дома. Дом, где он был столь счастлив, становится ему ненавистен. Настолько, что наш человек не желает его более видеть, если только Иносущий, Бог над богами, не вернёт жену к жизни. Понимаете?

– Я думать, да, – подтвердил Влюг.

– А я – нет, – возразил Азейин.

– Речь о духе, покидающем тело после смерти. Тело – это дом из моего примера, а жизнь – жена, поддерживавшая в доме тепло и уют.

– А-а, – закивав, протянул Азейин.

– Возможно, её муж, как полагает легерман Леув, отправляется к богам, а может, всего-навсего уходит во мрак – сейчас для нас это неважно. Суть в том, что он покидает обустроенный женой дом окончательно и бесповоротно.

– Птичка – идти, – внезапно объявил Орев, скакавший вокруг стола, выпрашивая угощение. – Идти Шёлк.

– Уж не хочешь ли ты, Орев, сказать, что желаешь умереть вместе со мной? Надеюсь, всем сердцем надеюсь, нет. В Гаоне рассказывали о тех, кто, готовясь расстаться с жизнью, умертвлял любимое животное, обыкновенно коня либо пса, чтоб тот сопровождал хозяина в посмертии, а на родине, под Длинным Солнцем, их правители доходили, ни много ни мало, до приказаний сжечь на собственных погребальных кострах любимых жен... Нет, нет, лично я искренне надеюсь, что после моей смерти никого из моих друзей и родных не постигнет столь глупая, столь жестокая гибель!

– Я думать, когда дух уходит, человек умирать, – подал голос Звар, до сих пор не проронивший ни слова.

– Нет, – покачав головой, возразил я, – умирает он от пули, пущенной в сердце, или поражённый какой-либо хворью, или если лошадь лягнёт, как подсказал мне однажды некий весьма мудрый друг. Однако ты завёл речь о крайне важном моменте – что дух не есть жизнь, а жизнь не есть дух. А также, что вместе то и другое – единое целое. Муж – не жена, и жена, ясное дело – не муж, но в совокупности оба они – одно. Я же веду вот к чему: пусть человек из моего примера со смертью жены покинул свой дом навсегда, однако до этого выходил из дому множество раз... ну, скажем, прополоть огород или на рынок, за новыми башмаками. В этих случаях он уходил, намереваясь вернуться.

– И дух может уходить точно так же, на время, верно, отец? – пришёл мне на помощь Шкура.

– Именно! Любому из нас случалось грезить наяву. К примеру, воображать себя плывущим на новой лодке, которую строишь в действительности, или скачущим на игривом, норовистом жеребце, которого у тебя на самом деле нет и не будет. Большинство снов, снящихся нам по ночам, – грёзы того же разбора... да, «грёзы», вернее названия не придумаешь. Однако порой нам снятся другие сны. Их у нас тоже принято называть снами, грёзами, но на деле это не что иное, как воспоминания вернувшегося в спящее тело духа, на время покидавшего его и странствовавшего сам по себе.

Азейин недоверчиво осклабилсся, однако явно чувствовал себя слегка неудобно, а Влюг, Леув и Звар слушали меня вытаращив глаза и разинув рты.

– Именно так и случилось нынче с тобой и рядовым Влюгом, – объяснил я Азейину. – Пока вы спали, ваши духи, покинув тела, отправились спать куда-то ещё. Там дух Влюга...

Оборвав фразу на полуслове, я поднялся на ноги.

– Прошу прощения, но должен оставить вас ненадолго. Занимаясь стряпнёй, я снял принесённый Оревом перстень и позабыл его в кухне, на полке.

Прежде чем кто-либо успел возразить, я поспешил к двери. Перстень оказался на месте, там, где я его и оставил, рассудив, что мне вполне может потребоваться повод покинуть сотрапезников. Надев его на палец, я прошёл через кухню, заглянул в личные комнаты содержателя постоянного двора с супругой и застал хозяина за одеванием, причём брюки он натягивал с немалым трудом.

– Я слышал, ты прихворнул, – заговорил я, – и подумал: неплохо бы навестить тебя, проверить, что с тобой. Если вам с женой хочется есть, я с удовольствием приготовлю что-нибудь.

– Мы так ослабнуть, мессир, – прокрихтел он, усаживаясь на брачное ложе. – Спасибо. Спасибо. Что-нибудь... так.

Вернувшись в общий зал, я объяснил положение дел Азейину с его штурмовиками, и мы со Шкурой отправились приглядеть за хозяевами. Как я и опасался, обоих покусала Джали, но ничего, оправятся... если, конечно, она оставит их в покое хотя бы на два-три дня. Сейчас Джали ещё спит, хотя время давненько перевалило за полдень.

– Девочка – спать, – докладывает Орев, только что слетавший к нам в комнату, проверить, что там да как.

Оба мы согласны: спит – и пускай спит дальше. Я укрыл её одеялами так, что лица почти не разглядеть, и, разумеется, оставил ставни закрытыми, а Азейин с Влюгом пообещали её не тревожить.

Азейин решил дальше сегодня не ехать.

– Закон и порядок мы здесь, с удобством, блюсти есть не хуже, чем в эти гиблые сугробы. Снег – кони ноги ломать, – рассудил он, и я поддерживаю его в этом от всего сердца.

Перстень, что крайне странно, на большой палец больше не лезет. На безымянном ношу.

IV. Он и есть Шёлк

Плечо его вновь стиснула рука Свина.

– Дома, браток. Поверь Свину: дома кругом. Всюду.

Донельзя уставший, он даже не задался вопросом, откуда Свин это знает.

– Тогда давай остановимся тут да расспросим, если с нами захотят разговаривать.

– У тя, браток, карманы от карточек лопаются?

– Нет, – признался он. – Нет, не лопаются.

– И у меня. И у Горева, Свин чо хошь ставит, тоже. Что, Горев, есть карточка-другая, а? Нету? Вот то-то и оно!

– Бедная птичка!

– Однако ж добрые люди порой склонны поступать милосердно, а нам не нужно ничего, кроме места для отдыха да кое-каких сведений.

– Это тебе, браток... – Дробный стук спрятанного в ножны меча начал удаляться, как и громадная фигура Свина, озарённая сиянием небесной тверди. – А вот Горев наверняка голодный. Что, Горев, жрать хошь? Гляделку склевал бы, а? Ясное дело, склевал бы. Только не говори, будто в жизни гляделок не жрал, Горев: уж Свин-то вашу породу знает!

– Р-рыбьи головы? – осведомился Орев, перепорхнув на плечо к Свину.

– В точности! Идёшь, браток?

Обтянутые кожей ножны застучали о дерево, а затем всё вокруг стихло. Теперь тишину нарушало лишь постукивание его собственного посоха да шарканье ног.

– Да, – отвечал он. – Я малость ошибся, не понял в точности, где ты. Скажи, как ты узнал, что здесь всюду дома? Я их сумел разглядеть только после твоей подсказки.

Ножны меча вновь застучали в дверь.

– Чувствую. Циферблатом чувствую.

Неужто они уже достигли окраин Вирона? Не может быть!

– И много их?

– По обе стороны от дороги. Большого от Свина не жди.

– Однако и это немало.

– Точно, слепой Свин, слепой. Вон Горев те куда больше расскажет. Сколько их, Горев? Давай, посчитай-ка, а мы послушаем!

– Дома – много, – откликнулся Орев и часто защёлкал клювом.

– Пожалста, вот те и ответ.

Обтянутые кожей ножны забарабанили в дверь.

– Слышишь чего, браток, нет? Обычно их там, внутри, не слышать. Может, тоже учтивого стука не слышат, а? А если Свин ногой в ихнюю дверь постучит, услышат же? Вроде должны бы.

Очевидно, грохот, подобный взрыву, издала дверь под ударом громадного сапога.

– Не надо! Не надо, прошу тебя. Идём лучше к другому, к следующему дому.

– Ну да!

Новый удар оказался столь громок, что мог бы, пожалуй, привлечь внимание божка на мосту в доброй лиге отсюда.

– Поди прочь! – донеслось изнутри.

– О, вроде бы поддалась, – пророкотал Свин. – Ещё разок, и на досточки разлетится.

Счас, счас...

С этим он, дабы подкрепить слова делом, снова что было силы ударил в дверь сапогом.

Из-за двери донёсся испуганный женский голос.

– Что она говорит, браток? Ты разобрал, нет?

– Нет.

Кончик посоха, наконец, нащупал громадный сапог Свина.

– Будь добра, отвори дверь, – слегка повысив голос, заговорил он. – Клянусь, мы не сделаем тебе ничего дурного.

Из щели между дверью и косяком хлынул наружу золотистый свет, а после внутри заскрежетал, грохнул об пол снятый со скоб и приставленный к стенке засов.

– О, – удовлетворённо крикнул Свин, – так-то лучше.

Отворившаяся на толщину большого пальца дверь тут же подалась внутрь: Свин, опустившись на колено, толкнул её могучим плечом. Женщина за дверью разразилась истошным визгом.

– Прошу, успокойся. Бояться нечего. Открой ты на стук, дело обошлось бы вовсе без шума и гама.

– Кто ты, сударь?

Голос велевшего им убираться прочь заметно дрожал.

Переступив порог, он опустил руку на плечо хозяина дома, успокаивая его, будто пса либо лошадь.

– Мой друг слеп. Ты же не боишься слепца, не так ли? Ну а меня тем более бояться незачем. Мы пришли вовсе не с тем, чтоб ограбить вас. Будь добр, убери нож: вдруг ранишь кого-нибудь.

Хозяин дома отступил назад, отчего его супруга сдавленно, в ужасе пискнула. В одной руке он держал свечу, а в другой мясницкий тесак внушительной величины и, кажется, не собиравшийся расставаться ни с тем ни с другим.

– Вот, так много лучше. Да благословит Иносущий, и Пас, и все прочие боги сей дом.

Улыбнувшись, гость осенил хозяев знаком сложения, а затем повернулся назад, к Свину, и невольно поёжился, впервые как следует разглядев его невероятно огромное лицо, грязные обноски, всклокоченные волосы и курчавую чёрную бороду. Приготовившийся войти в дом на коленях, Свин поднырнул головой под притолоку и теперь тщился протиснуть в дверной проём плечи.

– Понимаете, мы ищем глаза... – (В сложившихся обстоятельствах на ум ничего лучшего не приходило, но и это казалось весьма удачной находкой.) – Глаза для моего друга. Не знаете ли вы врача, способного заменить слепые глаза зрячими?

– Так это в-вам в г-город надо, – кое-как выдавил хозяин дома. – В Вироне, может, и сумеют.

Какой-никакой, а прогресс!

– Прекрасно. К кому же там обратиться? Как его звать?

– Не з-наю, но... но...

– Но, возможно, там кто-нибудь да найдётся?

Хозяин дома истово закивал.

– Да, вижу... хотя мой злополучный друг лишён сей возможности. Вижу, нам следует идти в город.

Хозяин дома закивал куда истовее прежнего.

– Так мы и сделаем. Но прежде нам нужен отдых.

Припомнить, когда ему в последний раз удалось поспать, он так и не сумел.

– Посему мы и вынуждены просить тебя о приюте и пище...

– Р-рыбьи головы? – осведомился Орев, устраиваясь у него на плече.

– Что-нибудь для моей птицы и что-нибудь... хотя тут, боюсь, какой-нибудь малостью не обойдёшься... для моего друга, Свина. Мы очень сожалеем, что напугали вас, однако услышали за дверью ваши голоса, а когда вы не откликнулись на стук, Свин разозлился и...

В ответ хозяин дома проворчал себе под нос нечто невнятное.

– Благодарю тебя. Благодарю от всего сердца. Твоё гостеприимство придётся очень, очень ко времени.

– Не похож он на авгура, – довольно громко шепнула на ухо мужу супруга хозяина.

– А я и не авгур. Просто мирянин, как и твой муж, и дома меня ждёт жена. Тебя задело моё благословение? Уверяю, мирянин, а также мирянка вправе благословлять, кого пожелает.

– Я – Выжлец, – представился хозяин дома, – а жену мою зовут Пижмой.

С этими словами он сунул мясницкий тесак жене, однако та шарахнулась прочь, и тогда хозяин дома, бросив его на кресло, протянул гостю руку.

– А меня зовут Бивнем.

Стоило им обменяться рукопожатием, Свин тоже протянул хозяину ладонь величиною с совок бакалейщика.

– Прости, что напугал вас.

– Ну, а мою птицу...

– Ор-рев!

Узкое, бледное лицо Пижмы озарилось улыбкой.

– Пойду, похлёбки вам разогрею.

– Поспать можете здесь, – решил Выжлец. – Здесь, в доме, или... Вы как, не против поесть на заднем дворе? Тут будет малость тесновато, а на задах у нас громадное дерево и стол под ним, и скамейки.

На том и порешили. Свин уселся на землю, а двое других устроились на упомянутых Выжлем скамьях.

– Пиво у нас найдётся, – слегка виновато признался Выжлец, – а вот вина, прошу прощения, нет.

– А с водой как?

– О, колодец у нас – что надо! Ты, значит, воду предпочитаешь?

– Точно так. Спасибо тебе.

Едва успевший сесть, Выжлец весьма расторопно вскочил на ноги.

– А тебе чего, Бивень? Пива?

– Лучше стаканчик воды. И, если тебя не слишком затруднит, прихвати ещё какую-нибудь небольшую посудинку, под воду для Орева.

Тут во двор вышла Пижма с оттопыренными карманами и курящейся паром супницей в руках.

– Стараюсь, понимаешь ли, чтоб огонь в плите не угас, чтоб не растапливать заново для каждого блюда. Готова поспорить, твоя жена делает точно так же.

– Считаю, в этом споре ты выиграла, – кивнув, подтвердил он.

– То-то. Когда мы похлёбку готовим, отчего б не оставить её там? Пускай остаётся горячей: в случае чего, греть долго не надо. Только... только в ней, наверное, ничего особенного и нет. Всё то же, что мы с Выжлем обычно едим. Бобы, картошка и морковки малость, для вкуса.

– И пахнет здорово тож. Ветчинка... Свин чует.

Супница заняла почётное место посреди стола, рядом со свечой Выжлеца. Вокруг неё со звоном встали две пары больших, глубоких мисок, а в мисках звякнули ложки.

– Сейчас и хлебца принесу. Как её звать, Бивень?

Захваченный врасплох, он удивлённо взглянул на Пижму.

– Ну, супругу твою?

– А-а, да. Крапивой. Зовут её Крапивой. Не знала ли ты её в детстве? В городе, многие годы назад? Думаю, вряд ли, но...

– Нет, нет. Имя-то не из расхожих. По-моему, Крапив у меня в знакомых не было ни одной.

Подавшись назад, Пижма задержалась у колодца, в спешке перебросилась парой слов с мужем и удалилась на кухню.

– Сейчас принесёт чашки или ещё что, – пояснил Выжлец, поставив на стол, возле супницы, ведёрко с водой. – А мне – пива. Надеюсь, ты не против?

– Ни в коей мере, – ответил он и ненадолго умолк, собираясь с мыслями. – Нельзя ли мне... вернее сказать, нельзя ли нам для начала рассказать друг другу, кто мы таковы? Да, понимаю, не слишком обычный способ начинать беседу, но, видишь ли, мне крайне необходимы кое-какие сведения, и я надеюсь, что, узнав, для чего они мне, вы, все трое, охотнее расскажете обо всём вам известном.

Вернувшись Пижма водрузила на стол хлебную доску, большой каравай чёрного хлеба и тот самый мясницкий тесак, а после раздала всем по жестяной кружке.

– Ну, кто таковы мы с Выжлем, могу рассказать я, и сейчас расскажу, если только он сам не захочет. Выжлец?..

– Валяй, – откликнулся её муж.

Свин, отыскав ошупью кружку, толкнул её через стол.

– Мне лучше вы кто-нибудь налейте.

– Имена наши ты уже знаешь, – начала Пижма. – А ещё спрашивал, не водила ли я знакомство с твоей женой, в городе, когда девчонкой была. Нет, не водила. Выросла я здесь, в Тупике, и Выжлец тоже. А в городе нам уже после какое-то время пожить довелось... лет пять всего, как вернулись. Тогда здесь работы не найти было вовсе.

– С работой здесь и сейчас не ахти, – заметил Выжлец.

– Потому мы и отправились в город, и работали там, пока мой отец не преставился, а матушка, схоронив его, не написала, что мы его лавкой заняться можем.

С этим Пижма принялась разливать по мискам похлёбку.

– Её матушка рядом, в соседнем доме живёт, – пояснил Выжлец, – оттого Пижма и встревожилась так, когда ты пригрозил и к ней в дверь сапогом постучаться.

– С тех пор так торговлей и живём. Выжлец ездит в город, подыскивает нужный людям товар по сходной цене – у него это замечательно получается. А мы с матушкой обычно приглядываем за лавкой, торгуем. Есть у нас и молотки, и гвозди – их кучами продаём. И сапожные гвоздики, и винты, и вообще всякий скобяной товар, и глиняная посуда.

– И пилы, и свёрла, и рубанки, и ещё всякое, о чём жена помянуть позабыла, – добавил Выжлец. – Я, прежде чем лавка нам отошла, столярничал. Домик этот – наш собственный, а соседний дом с лавкой её матушке принадлежат. Мы ей каждую неделю долю с выручки отдаём, а она Пижме с торговлей порой помогает. Вот кто мы такие есть, Бивень, как на ладони... ну, разве что тебе ещё о братьях с сёстрами охота послушать.

Он покачал головой.

– Благодарю вас. Согласно приличиям, нам, гостям в вашем доме, следовало начать первыми, – ответил он, возвращая Свину кружку, наполненную колодезной водой. – Держи, Свин. Уверен, вода хороша. Если не ошибаюсь, когда мы встретились, ты говорил, что идёшь на запад?

– В точности так.

Начерпав воды в свою кружку, он протянул ковшик Ореву, чтобы тот тоже сумел напиться.

– Не против ли ты рассказать о себе ещё кое-что? Если против, этого, разумеется, хватит, но...

– Ха! Ясное дело, не против. Не люблю, знаешь, сопли распускать... О чём рассказать-то?

– Что с тобою стряслось? – собравшись с духом, полюбопытствовала Пижма. – Как ты...

Свин громко, басовито захохотал.

– То есть с чего ты раньше таких здоровил не видала? Вот, таким уродился. Не зря ж мамка вырождением звала.

– А как ты... – Тут Пижма осеклась на полуслове. – Нам... нам очень хотелось бы завести ребёнка, но я, понимаешь, волнуясь: вдруг что-то не так пойдёт? Нет, не... я не о том, что он большим, сильным вырастет, – наоборот... я...

– Не в обиду, – вмешался Выжлец. – Скажи, мальчишкой ты зрячим был?

– Ха! Ясное дело. В штурмовиках служил, да вот в плен угодил и пришёлся им не по вкусу. Вижу: кинжал к гляделкам тянется, и всё. С тех пор ничо не вижу. После водили меня туда-сюда, напоказ, только Свин никого уж не видел. Слышал – эт да. И швырялись там в меня всяким... а дело было там, в светлых краях. В горах. Тут-то не то, тут равнины.

Умолкнув, Свин шумно, с хлопаньем, отправил в рот ещё ложку похлёбки.

– А ты, браток, пошто не ешь ничего? Чо с тобой, а?

– Я-то? – Спohватившись, он тоже взялся за ложку. – Наверное, потому, что ты бы услышал, как я ем... хотя я и с похлёбкой, и с супом стараюсь управляться как можно тише. Итак, Свин, ты пришёл сюда в поисках глаз?

– Точно так. Ты, браток, про малый народец знаешь?

– Про малый народец... о ком ты? О детях или, может, о нас? Мы ведь тебе тоже наверняка кажемся совсем маленькими.

– Не-е, куда меньше вас. Тут люди о таком знать не знают, а вот в светлых краях – там дело другое. Там они шастают туда-сюда, появляются, исчезают. Вот такусенькие, – пояснил Свин, подняв ладонь разве что самую малость выше столешницы. – Это мужички их, а девки ещё того меньше. Пока мне гляделки не вынули, они вовсе не появлялись... почти. Ну, близко их мало кто видел. Потом уже зачастили: знали, что меня-то неча бояться, коли сам не сунешься под руку.

На время умолкнув, Свин запустил толстые пальцы в бороду.

– А может, до того они вовсе носу не казали... кто их разберёт? Один такой, Фланнаном звали, чаще всех приходил. Ты, браток, точно похлёбку не будешь?

– Пожалуй, я не особенно голоден, – начал он, – и...

– Птичка – кор-рм!

– И, кроме того, слушаю тебя со всем вниманием, – продолжил он, коснувшись губами ложки с похлёбкой. – Значит, было всё это в горах... в светлых краях, как ты выражаешься, так?

– Хо! В точности так. Наша братия за мной приглядывать, после того как те меня своим отдали, не пожелала. Сижу один, сам по себе, под солнышком греюсь. На камне сижу, знаю, что солнышко: циферблат-то греет, и тут – Фланнан, как снег на голову. Иди, грит, на запад, там те новые гляделки дадут. К тому концу солнца иди: так, мол, из самого Майнфрейма сказано... ты чего, браток? Чо ты так зацепило?

Обронённая им ложка плюхнулась в миску с похлёбкой.

– Да что с тобой? – заволновалась и Пижма.

– Теперь понятно! Теперь... ну и дурень же я! Сразу ведь сообразить был должен, как только ты, Свин, помянул о малом народе. Они ведь по небу летать умеют, так?

– Летать-то, браток? Ещё как умеют!

– Здесь мы зовём их летунами, – пояснил он, – и с одним из них я даже свёл знакомство. А твои горы – это не Горы ли, Взбирающие На Горы?

– Точно так, браток, они и есть, только на ихнем-то языке уж больно длинно выходит, вот Свин обычно и говорит попросту, «горы».

– Горы, Взбирающие На Горы, – пояснил он Выжлецу с Пижмой, – окружают Майнфрейм у Восточного полюса. Я побывал там однажды, и нам как раз над ними лететь пришлось.

– Так ты тоже умеешь летать? – ахнула Пижма, вытаращив глаза. – Как летуны?

– Нет, я летел... наверное, лучше всего сказать «пассажиром», на воздушном корабле тривигантской рани. И Чистик с Синелью, и мы с Крапивой, и майтера с патерой Реморой, и ещё уйма народу... и всем нам, прибыв в Майнфрейм, довелось побеседовать с умершими. Да, понимаю, поверить в подобное трудно, и если вы не поверите мне, нисколько на вас не обижусь...

– Птичка – идти! – объявил Орев.

– Да неужели?

Выловив из миски ломтик сельдерея, он протянул ложку Ореву.

– Это же... – Слегка опомнившись, Пижма отбросила со лба длинную прядь волос. – Да, Бивень, ну и удивительные же вы люди! И ты, и товарищ твой.

– Всякий человек по-своему необычен, – без тени улыбки возразил он. – Конечно, я взял от жизни куда меньше, чем следовало, не слишком многому у неё научился, однако данный урок усвоил твёрдо и ни секунды в нём не сомневаюсь... а это чего-то да стоит.

Вздыхнув, он вновь обратился к Свину:

– Однако тебе вряд ли хочется слушать рассказ обо мне, а мне самому о себе слушать уж точно незачем. Обо мне я и без того постоянно слышу от собственного разума, и, откровенно признаться, его болтовня изрядно мне надоела. Стало быть, этот летун, Фланнан, сказал, что на Западном полюсе тебе могут дать новые глаза? И что о такой возможности ему сообщил Майнфрейм?

– Фланнан-то? Ну да. В точности так и сказал. И как только сам упорхнул – Свин тут же в дорогу! Путь-то неблизкий, а?

– До Западного полюса? – уточнил Выжлец. – Чтоб кто-нибудь такой путь одолел, я лично даже не слышал... а ты, Бивень?

– И я не слышал. Это же сотни и сотни лиг... Если память меня не подводит, Шкиехаан, мой знакомый летун, как-то сказал, что до Восточного полюса отряду конных придётся ехать не один месяц, а Восточный полюс к нам, по-моему, куда ближе, чем Западный. Таким образом, Свину, пожалуй, придётся странствовать не один год.

Свин наклонился к нему. На громадном грубом лице, перетянута поперёк засаленной тряпкой и озарённом снизу мерцающим огоньком свечи, отразилась отчаянная нечеловеческая решимость добиться своего во что бы то ни стало.

– Да Свин, браток, уже год как в дороге. Только, сдаётся мне, ежели там гляделки могут вставить, значит, и ещё где-то могут, а? А ежели так, отчего не поспрашивать по пути?

– В самом деле, отчего бы нет?

– Ну а ежели по пути нигде помощи не отыщется, стал-быть, судьба мне топать туда, на другой, стал-быть, конец... только тебе-то со мной переться в такую даль чо за нужда? Ежели ты вдруг себе гляделки где-нить ближе найдёшь?

Тот, кого Свин называл братком, улыбнулся, на миг поднёс к губам кружку с водой и улыбнулся вновь.

– И это, боюсь, ведёт нас прямо к моей персоне. Ну что ж, рассказать вам мою повесть?

Свин одобритительно крякнул, Выжлец с Пижмой кивнули, и даже Орев запыгал, одобритительно закивал головой.

– Шёлк – говор-ить!

– Зовут меня, как вы уже знаете, Бивнем. Родился я в городе и жил там до пятнадцати лет, а после с целым отрядом попутчиков взошёл на борт посадочной шлюпки, унёсшей всех нас на Синий. На Синем мы основали поселение и нарекли его Новым Вироном, а вскоре после этого мы с женой, Крапивой, переселились за его пределы, на остров Ящерицы. Там мы выделяем бумагу и торгуем ею... вернее, торговали бумагой собственной выделки, пока я не отправился в путешествие.

Сделав паузу, он снова припал губами к кружке с водой.

- Как жарко здесь! Я и позабыл...
- В последнее время – да, – подтвердил Выжлец. – Летом жара, а зимы всё короче.
- Да, теперь-то припоминаю. Майнфрейм теряет власть над солнцем, и Пас старается выгнать отсюда вас всех.
- Ага, – кивнула Пижма, – вот и авгуры то же самое говорят.
- Давай дальше, браток.
- Как пожелаешь. Шло время, Новый Вирон рос, и... впрочем, называть его городом я, пожалуй, остерегусь, хотя преувеличение вышло бы разве что совсем небольшим. Разумеется, следом за нами прибывали другие, новые поселенцы, и некоторые присоединились к нам, поселились в Новом Вироне либо занялись кто возделыванием окрестных земель, кто рыбалкой, кто рубкой леса. Некоторые оказались выходцами из самого Вирона, некоторые из Лимны и прочих подвластных ему деревень, несомненно, включая и эту, а некоторые – из чужеземных городов. А если рядом приземляется партия поселенцев из чужеземного города, им, в силу причин вполне очевидных, основывать собственное поселение на месте посадки не позволяется. Таковые должны либо присоединиться к нам, нововиронцам, либо покинуть наши края. Большинство предпочитает объединение с нами.
- И я лично их понимаю, – заметил Выжлец.
- Некоторых, стыдно признаться, принуждают остаться и работать на нас силой, продают и покупают, будто скотину, но, как бы там ни было, число нововиронцев прирастает и за их счёт. Не говоря уж, само собой, о естественном приросте населения. К примеру, у нас с Крапивой три сына, и наша семья отнюдь не считается многочисленной: не так уж редко встречаются семьи с восемью, а то и десятком детей.
- И ты, браток, ищешь тут приятеля по имени Шёлк.
- Да, именно, и это самое важное, насчёт чего мне хотелось бы вас расспросить. Называть его могут кальдом Шёлком или патерой Шёлком. Не знает ли кто из вас, где можно его найти? Выжлец с Пижмой лишь отрицательно покачали головами.
- Понимаете, дела у нас, в Новом Вироне, из рук вон плохи. Богачи борются друг с дружкой: каждый вербует в сторонники всех, кого может, и надеется спустя год-другой захватить власть. Однако любой из них уступает в силе толпе подонков, не признающих никаких законов, помимо собственных, и не стремящихся ни к справедливости, ни к миру.
- Прямо как про сам Вирон сказано, – заметил Выжлец. – Ты точно не о нём?
- Точнее некуда. Нога моя не ступала в пределы Вирона вот уже двадцать лет, и мне жаль, безмерно жаль слышать, что положение дел там столь прискорбно. Поскольку ни ты, ни твоя жена не можете сказать, где можно найти патеру Шёлка, очевидно, ваше правительство он больше не возглавляет?
- Ну да, вот уже сколько лет, – подтвердила Пижма.
- Понятно...
- Сделав паузу, он помешал похлёбку и выудил из миски кусочек капусты для Орева.
- Мы надеялись, что он сможет и пожелает помочь нам. Поэтому я и прибыл сюда.
- Прямо с Синего? – полюбопытствовал Выжлец.
- Не то чтобы прямо, но – да. В прежние дни я знал кальда Шёлка довольно близко...
- Пижма выдернула из кармана передника разноцветный лоскут.
- Салфетки-то! Вот же растяпа я: принесла салфетки, а раздать позабыла!
- Приняв одну из салфеток, он промокнул глаза.
- Прошу прощения. Детская слабость... и я весьма, весьма о ней сожалею. Случилось так, что мне снова вспомнилось наше отбытие и последняя встреча с Шёлком. С тех пор я его больше не видел. Той ночью, одной из ночей недолгой зимы, прожитой мною здесь едва ли наполовину, в Вироне мела метель. Оставив нас, Шёлк скрылся в снежной пелене, а мы, я и Крапива, спустились под землю. Помню, как волновался, как чувствовал, что мы совершаем

нечто ужасно храброе... причём то самое, чего хотелось бы от нас Шёлку... Уверен, так оно и было. Да, именно: иначе и быть не могло. Мы отправлялись в новый дивный круговорот, и долетели, однако, вспоминая, как жил с отцом и матерью, в окружении братьев и сестёр, и все мы прекрасно знали патеру Шёлка, я думаю: ах, старые добрые дни! Теперь вспоминать их так грустно... Ах, как же мы были молоды!..

– Бедный Шёлк!

– Ошибаешься, Орев, – улыбнувшись сквозь слёзы, возразил он. – Я прожил прекрасную жизнь, и она ещё не закончена. Я любил чудесную, прекрасную собой женщину и был любим. Многие ли могут сказать о себе то же самое?

– Давай уж, браток, рассказывай дальше.

– Хорошо. Ладно. Построили мы с Крапивой дом на Ящерице, подальше от краж, грабежей и стрельбы. Жили, если угодно, в бедности, однако счастливо, хотя, случалось, нам нечего было есть.

Вспомнив о необходимости подкрепить силы, он зачерпнул ложку похлёбки и попробовал угощение.

– О, в самом деле, великолепно! Несомненно, я голоден, а голод – лучшая из приправ, но превосходно, превосходно, как ни крути!

Пижма, не поднимаясь со скамьи, кивнула в знак благодарности. Длинные чёрные локоны её глянцеви́то блеснули, отразив огонёк свечи.

– Одним словом, на жизнь мы не жаловались – жили в довольстве, вырастили сыновей. Но вот однажды нам нанесли визит пятеро виднейших жителей поселения. Приплыли на Ящерицу, завели разговоры о положении дел, о неурожаях – в частности, о неурожае на кукурузу, катастрофически не уродившуюся в том году. Сказать откровенно, я даже представить себе не мог, к чему они ведут. И Крапива, вне всяких сомнений, тоже. В прошлом они к нашему мнению никакого внимания не проявляли, и, если им требовался наш совет, уж я-то точно мало чем мог бы помочь. Тем более что в гости к нам явился лично Мозг, один из главных в поселении с самого его основания, и Его Высокомудрие патера Ремора, и ещё трое. Могу назвать по именам и описать всех, но вам это наверняка ни о чём не скажет.

Умолкнув, он перевёл дух и продолжил:

– Как выяснилось, им – по крайней мере, так уж они полагали – представилась возможность отправить кого-либо обратно, в Круговорот Длинного Солнца. Конечно, вернуться туда было бы вовсе не трудно и на нашей собственной посадочной шлюпке, если б её не разорили, растащив почти всё, сообщавшее ей способность летать, как только она опустилась на Синий, но вновь привести её в исправное состояние возможным не представлялось. Пока мы не спустились в подземелья, нами командовал Шёлк... но об этом я, должно быть, уже говорил.

– Шёлк... Хор-роший!

– Истинно так, – без тени улыбки кивнув, подтвердил он. – Шёлк был величайшим из всех известных мне людей, и притом лучшим. Говорят, людей добрых, порядочных среди великих не много, но Шёлк был именно таким, и вдобавок умел внушать симпатию и доверие даже отъявленным злодеям. Подобным даром на моей памяти не обладал больше никто.

– Жаль, мы его не знали, – рискнула заметить Пижма, застенчиво покосившись на мужа.

– Вполне понимаю твоё сожаление. Сам я, о чём уже говорил, знал его довольно близко, и это знакомство стало одним из величайших событий всей моей жизни. Мы с Крапивой даже написали книгу о нём...

Вспомнив о еде, он отправил в рот ещё ложку похлёбки.

– Когда мы улетали, он был кальдом Вирона. Не могли бы вы рассказать, что с ним случилось после?

– Подробности нам неизвестны, – со вздохом ответил Выжлец. – Сместили его с должности, силой. Вот был бы отец мой жив, он бы тебе рассказал! Отец обо всём этом знал куда больше, чем мы с Пижмой.

– Мы тогда ещё маленькими были, – пояснила Пижма. – Это же сколько времени с тех пор прошло... лет десять, а то и двенадцать? Да, вроде того.

Выжлец кивнул, подтверждая её правоту.

– Ему хотелось, чтоб все погрузились на шлюпки, и сам он хотел лететь... по крайней мере, говорил так. Убеждал, уговаривал людей уезжать и карточки из оборота выводить начал. Вот это никому не понравилось. Возмутился народ, взбунтовался... словом, бед из-за этого вышла целая уйма. Знаю, что многие требовали арестовать его и отдать под суд, но до ареста с судом дело, по-моему, не дошло: он же, как-никак, авгуром был.

– Да, но потом-то женился, – возразила Пижма. – Женильбу матушка до сих пор ему припоминает. Не одобряет такого.

Свин, звучно откашлявшись, сплюнул наземь.

– Ты, браток, похлёбку доедать не намерен? Жалко же, коли впустую-то пропадёт.

Он передвинул миску поближе к Свину.

– Бери, доедай, только поделись с Оревом парой кусочков. Я сыт. Ты хлеба уже попробовал?

– Не успел, браток. А ты?

– Сейчас отрежу тебе ломоть. Уверен, если макать в эту великолепную похлёбку, вкусно выйдет просто на удивление.

– Там, в кухне, на плите ещё греется, – вставила Пижма, – а в большой миске будет куда горячее этой. Давай, Свин, подогрею тебе...

– Ясное дело, Бивень, на твой вопрос мы, считай, не ответили, – заговорил Выжлец, – но всё, что помним, рассказали, как на духу.

– А не знаешь ли ты, что случилось с Шёлком после смещения?

Выжлец пожал плечами.

– Казнить его, видимо, не казнили и в ямы не бросили. Об этом отец рассказал бы наверняка.

– Люди разное говорят, – отважилась добавить Пижма. – Сам знаешь, как оно бывает. Будто бы кто-то где-то на рынке его приметил, или что они, Шёлк с женой, живут в городе под новыми именами. Или что он ходит среди людей переодетый, помогает, если кому помощь нужна. А куча народу думает, что он подался наружу: дескать, сам постоянно об этом твердил...

Кивнув собственным мыслям, он передал Свину пару ломтей хлеба.

– Спасибо, браток, – поблагодарил его новый товарищ.

Выжлец зевнул во весь рот.

– Да, Бивень, вот что ещё должен сказать: я ж его видел. Отец мой его чудотворцем считал и, когда он приехал к нам, поднял меня повыше, чтоб я смог как можно лучше его разглядеть. Вдобавок одно время везде его портретами бойко торговали, и у нас тоже такой над очагом висел. Наверное, до сих пор на чердаке лежит, в целости.

– Боюсь, мы не даём тебе с женой лечь спать...

– Так на дворе всё равно, считай, утро, – с улыбкой заверила его Пижма.

– Ваш стук в дверь нас во сне застал, – поддержал её Выжлец. – Когда солнце гаснет, делать-то больше нечего.

– Свечи нынче очень уж дороги, – объяснила Пижма, – и с маслом для ламп дело не лучше. Раньше мы торговали ими...

– И маслом по сию пору торгуем, только цена на него теперь...

– Кстати, дорогой, масло-то у нас кончилось. Остатки Пальма давеча забрала.

– Вот завтра поеду в город, постараюсь ещё раздобыть. Всё равно собирался свечей поискать... а вы ведь оба туда направляетесь, верно?

– Мы-то? Э-э, ещё как! Гляделки для Свина искать... верно, браток?

– Именно. Искать глаза для Свина и для моей подруги, майтеры Мрамор, оставшейся на Синем. Между прочим, я как раз минуту назад собирался о ней рассказать. Видите ли, она – хема. Полагаю, здесь хемы ещё остались?

– Остались, – кивнув, подтвердил Выжлец, – только немного совсем.

– У неё отказали глаза, и мне очень хотелось бы найти новые... если, конечно, удастся. Так вот, продолжая рассказ: те пятеро явились к нам с Крапивой, поскольку мы в своё время знали патеру Шёлка куда лучше, чем кто-либо на Синем. Единственное исключение – майтера Мрамор, знавшая его много лучше, чем мы, но сейчас она совсем стара и... и, повторюсь, очень нуждается в новых глазах.

– Да не бойсь, браток, меня оно не цепляет, – пророкотал Свин, жуя размоченный в похлёбке хлеб.

– Благодарю тебя, однако, как болезненны подобные напоминания, понимаю вполне. Не знаете ли вы, хотя бы примерно, где можно найти новые, исправные глаза для хемы? Хоть какие-нибудь соображения?..

Выжлец отрицательно покачал головой.

– А у меня, как ни странно, кое-какие соображения есть. Не известно ли вам, где можно найти хема? Химическую особу мужского пола?

– В городе, наверное, должны быть. Здесь, в Тупике, я ни хемов, ни хем не видал вот уже сколько лет.

– Кроме солдат, – пробормотала Пижма.

– Да, точно! – прищёлкнув пальцами, воскликнул Выжлец. – Солдаты! Два-три десятка солдат проходили мимо... когда ж это... пару месяцев тому назад. Хемы, мужчины, так что ошибся я. Оплошал. Только у нас они задерживаться не стали и назад больше не возвращались.

– А следовали куда? – осведомился Свин.

– Понятия не имею. А зачем тебе хем понадобился?

У Орева тоже возник вопрос, и, дабы задать его, он даже прервал пожирание ломтика хлеба, полученного от Свина.

– Человек... железный?

– Да, именно. Нам нужно найти железного человека. Увидишь такого, будь добр, дай мне знать.

– Но зачем он тебе? – поддержала Выжлеца Пижма.

– Затем, что хемы способны к размножению, в точности как и био наподобие вас с мужем. Вот о чём следовало поговорить с майтерой Мрамор во время последней нашей беседы...

– Ну да, я слышал, – подтвердил Выжлец, – хем с хемой, сойдясь вместе, могут собрать ребёнка.

– Но это вовсе не как у нас, – возразила Пижма. – Им нужно раздобыть или сделать все части, соединить их... вовсе не то же самое! Наш ребёнок будет расти во мне, и мы всем сердцем на это надеемся... молим об этом богов...

– Совершенно верно. Вы с Выжлецем можете сами... сделать себе сына или дочь. «Сделать»... м-да. Будь у меня время, искал бы более подходящее выражение, однако пока что сойдёт и это. Суть в том, что делать вы будете ребёнка, дитя, а не детали, из которых его ещё предстоит собрать. Не станете делать вначале глаза, а после нос, а после сердце либо печень, и посему... надеюсь, ты, Свин, простишь мне дальнейшее... и посему, даже если бы с нами за столом сидел величайший хирург, способный, вставив Свину в глазницы новые глаза, вернуть ему зрение, вы не сумели бы изготовить для него пару новых глаз, так?

Пижма с Выжлецем закивали.

– Ну а хемы, конечно же, делаются совершенно иначе. В каждом из родителей хранится половина сведений, требующихся для изготовления и сборки нужных частей. Теперь следите за мыслью как можно внимательнее. Когда моя подруга, майтера Мрамор, вынула из гнезда глаз – а отказали, как я уже говорил, оба, – вынулся он без труда, причём как единое целое. Как отдельный... э-э... агрегат. Узел машины. Понимаете?

– Да, конечно, – подтвердил Выжлец.

– Далее. Оба её глаза ослепли, но ослепли не в один и тот же момент. Иначе она, я уверен, сразу же поняла бы, что подлинная неисправность кроется глубже и новые глаза не позволят ей вновь обрести зрение. Однако случилось так, что вначале отказал один глаз, а после, спустя недолгое время, другой. А я знал, что майтера унаследовала некоторые части от покойной майтеры Розы, также сибиллы, на момент смерти – старшей из сибилл нашего мантийона... однако, по-моему, глаз среди унаследованных деталей не имелось. Таким образом, если я не ошибаюсь, отказавшие глаза прослужили майтере Мрамор более трёх сотен лет – и, вероятно, попросту износились. Сработались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.